

**ПЛАМЯ НАД ДЖОРДЖИЕЙ:
ЧАСТЬ 1. ЭМИЛИ КАРТЕР,
БУНТАРКА БЕЗ МАСКИ**

Дамир Янсуфин

**Пламя над Джорджией: Часть 1.
Эмили Картер, бунтарка без маски**

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

Пламя над Джорджией: Часть 1. Эмили Картер, бунтарка без маски
/ Д. Янсуфин — «Автор», 2026

Она родилась в золотой клетке рабовладельческого Юга. Её отец — магнат, брат — офицер, мать — пленница собственного отчаяния. Но с самого детства Эмили Картер знала: мир, в котором она живёт, построен на лжи и крови. Скрываясь за маской послушной дочери, она бунтует — сначала в душе, с книгами и тайными дневниками. Затем — на деле. Таинственный садовник Илайджа вводит её в подполье, где бывшие рабы готовят восстание. Жестокий надсмотрщик Эйбнер становится её личным врагом. Но у революции своя цена. Пожар «Белого Тополя», гибель близких, предательство, от которого нельзя оправиться, — и годы тихой, почти невидимой войны изнутри системы. Губернаторство. Президентство. И, наконец, историческая речь, разорвавшая цепи. Это роман о взрослении, выборе и цене перемен. О том, как девочка с книгой становится лидером, способным перевернуть устои. И о том, что иногда, чтобы победить чудовище, нужно стать его частью — но не дать ему завладеть твоей душой.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

Пламя над Джорджией: Часть 1.

Эмили Картер, бунтарка без маски

«Эмили Картер»

Она родилась в золотой клетке рабовладельческого Юга. Её отец — магнат, брат — офицер, мать — пленница собственного отчаяния. Но с самого детства Эмили Картер знала: мир, в котором она живёт, построен на лжи и крови.

Скрываясь за маской послушной дочери, она бунтует — сначала в душе, с книгами и тайными дневниками. Затем — на деле. Таинственный садовник Илайджа вводит её в подполье, где бывшие рабы готовят восстание. Жестокий надсмотрщик Эйбнер становится её личным врагом. А тихая служанка Сара — тем пламенем, которое однажды сожжёт старый мир.

Но у революции своя цена. Пожар «Белого Тополя», гибель близких, предательство, от которого нельзя оправиться, — и годы тихой, почти невидимой войны изнутри системы. Губернаторство. Президентство. И, наконец, историческая речь, разорвавшая цепи.

Эмили Картер не хотела быть героиней. Она хотела быть свободной. И сделала свободной целую нацию.

Это роман о взрослении, выборе и цене перемен. О том, как девочка с книгой становится лидером, способным перевернуть устои. И о том, что иногда, чтобы победить чудовище, нужно стать его частью — но не дать ему завладеть твоей душой.

Проза, от которой замирает сердце. История, которая не отпускает до последней страницы.

Джорджия, XIX век. Рабство. Бунт. Власть. Свобода.

Глава 1. Утренние уроки

Кабинет мистера Картера был заполнен книгами по истории, праву и несколькими новыми научными трактатами. Тяжёлые дубовые полки гнулись под весом фолиантов, а воздух пах старой кожей и воском для мебели. Сквозь высокие окна лился утренний свет, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе.

Эмили Картер стояла у большого глобуса, медленно вращая его. Её пальцы, тонкие и бледные, скользили по шершавой поверхности океанов и континентов. Она делала вид, что слушает отца, но мысли её были далеко.

Её брат, девятнадцатилетний Уильям, развалился в кожаном кресле, скушаяще слушая отца. Он был полной противоположностью сестре — широкоплечий, с грубоватыми чертами лица и выражением вечной сытости и довольства собой.

— ...И потому наше хлопковое царство — это не просто удача, сынок, — строго говорил мистер Картер, обращаясь к сыну. — Это божественный порядок. Провидение дало нам эти земли и этих людей, чтобы мы, белые и цивилизованные, могли нести бремя правления и прогресса.

Эмили провела пальцем по экватору. Она думала о книге Чарльза Дарвина, прочитанной вчера поздно ночью при свете украденной свечи. Отец не знал о её существовании. Эмили нашла её в ящике с вещами дяди-путешественника из Бостона — того самого дяди, которого в семье называли «белой вороной» и старались не вспоминать.

Уильям зевнул, не скрывая скуки.

— Конечно, отец. Старик Колби вчера продал своего кузнеца Айка. Выручил хорошие деньги. Сильный, как бык. — Он говорил о рабе так, как говорят о породистом скоте, с деловой хваткой и полным отсутствием эмоций.

Отец кивнул, одобрительно.

— Вот видишь. Рациональное управление имуществом. — Он перевёл взгляд на дочь. — А ты, Эмили, что молчишь? Твои мысли?

Эмили вздрогнула. Нужно быть осторожной. Нужно всегда быть осторожной. Она подняла голову, и её лицо приняло выражение почтительной задумчивости.

— Я размышляла, отец, о... о почвах, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и беззаботно. — Мистер Эмерсон в своей статье пишет, что севооборот мог бы увеличить урожайность на наших дальних полях.

Отец усмехнулся — снисходительно, по-отечески, как усмеваются над детскими забавами.

— Моя маленькая учёная. Это похвально, но не забывай, сердце плантации — не почва, а дисциплина. Без порядка всё превратится в хаос.

В дверь неслышно вошла Сара. Она была личной служанкой Эмили — худенькая, тихая, с опущенными глазами и лёгкой, почти незаметной дрожью в руках. Ей было всего пятнадцать, но её лицо уже носило печать той преждевременной усталости, что приходит к тем, кто с детства знает тяжесть чужой власти.

Она поставила на стол серебряный поднос с лимонадом. Её взгляд оставался прикованным к полу, как того требовали правила. Но Эмили, следившая за ней с привычной тревогой, заметила свежий синяк на её запястье — фиолетовый, ещё не успевший пожелтеть, с чёткими отпечатками грубых пальцев.

Эмили отвела глаза, чтобы никто не увидел той бури, что поднялась в её груди. Она сжала пальцы в кулак под столом и заставила себя улыбнуться — вежливо, пусто, как учили.

Глава 2. В саду. Тайный разговор

Розарий за домом был их укромным местом. Старые кусты, посаженные ещё бабушкой Эмили, скрывали от посторонних глаз, а густой запах цветов заглушал любые звуки. Сюда редко заходил кто-то из семьи — мать считала сад слишком простым, отец — слишком далёким от дел.

Эмили сидела на каменной скамье, делая вид, что читает книгу по ботанике. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени, и воздух был наполнен густым ароматом роз.

Сара, выполняя видимую работу — срезая розы для вазы в гостиной, — подошла поближе. Её движения были привычными и точными, но в каждом взгляде, брошенном на кусты, читалась настороженность.

— Твоя рука... — тихо сказала Эмили, не глядя на неё. — Это мистер Эйбнер?

Она знала ответ заранее. Эйбнер был надсмотрщиком, жестоким и тупым, как бульдог, которого спустили с цепи. Его лицо с маленькими злыми глазками и вечная ухмылка внушали ужас даже самым стойким.

Сара кивнула, еле слышно, почти не размыкая губ.

— Я уронила ведро. Вода пролилась.

— Это всё? — голос Эмили дрогнул.

— Этого достаточно, мисс.

Эмили сжала книгу так, что побелели костяшки пальцев.

— Это несправедливо, — прошептала она, хотя знала, как глупо звучат эти слова здесь, в этом мире, где справедливость была привилегией белых и богатых.

— Мисс Эмили, — в голосе Сары прозвучала ещё большая тревога, почти отчаяние. — Умоляю вас, не вмешивайтесь. Станет только хуже.

Эмили отвела взгляд. Она знала — Сара права. Её заступничество, её праведный гнев, её слова — всё это обернётся не против Эйбнера, а против самой Сары. Система, выстроенная веками, была сильнее её добрых намерений.

Она глубоко вздохнула, подавляя ярость, и вынула из складок платка маленький, аккуратно завернутый свёрток.

— Держи. Мазь из календулы. И... кусочек сахара.

Глаза Сары на мгновение наполнились благодарностью — тёплой, испуганной, почти запретной. Затем, будто спохватившись, она опустила взгляд, и в нём снова появилась привычная маска покорности. Она быстро сунула свёрток за пазуху и поспешила прочь, услышав на дорожке знакомые шаги.

Из-за угла дома показалась мать. Кларисса Картер двигалась медленно, с врождённой грацией женщины, привыкшей, чтобы ей прислуживали. Её шёлковое платье шуршало на каждом шагу, а на лице застыло привычное выражение лёгкой скуки и недовольства.

— Эмили, дорогая, — сказала она, шурясь от лучей заходящего солнца. — Нехорошо так долго находиться на солнце. Испортишь цвет лица. И зачем ты трёшься с этой девкой? У неё работа есть.

Эмили поднялась, послушно закрыла книгу и последовала за матерью в дом. Она шла, не оглядываясь, но в её сердце уже горел маленький, упрямый огонёк, который не могли погасить ни слова матери, ни власть отца, ни жестокость Эйбнера.

Глава 3. Ночные мысли

Ночь опустилась на «Белый Тополь» тяжёлым бархатным одеялом. В спальне Эмили горела только одна свеча, и её дрожащий свет отбрасывал на стены причудливые, пугающие тени.

Эмили не могла уснуть.

За окном слышались звуки ночи — стрекот цикад, далёкий лай собак и, самое главное, песни с кварталов. Так называли поселения рабов — ряды низких хижин, где ютились семьи тех, кто работал на полях с рассвета до заката.

Эти песни были полны тоски. Они лились из темноты, как плач, как молитва, как немой крик о том, что нельзя выразить словами. И теперь Эмили понимала их смысл. Она слышала в них не просто мелодии, а голоса людей, у которых отняли всё, кроме голоса.

Она осторожно встала с кровати, босиком ступая по холодному полу, и подошла к тайному месту — половице у кровати, чуть выступающей над остальными. Она поддела её ногтем, вынула спрятанную под ней небольшую деревянную шкатулку.

Дневник.

Она писала его химическими чернилами — особым раствором, который сам по себе был невидим и проявлялся только после обработки другим составом. Этому секрету её научила та самая запретная книга дяди из Бостона — «Руководство по тайнописи», с пожелтевшими страницами и почти стёршимся тиснением на обложке.

Эмили открыла дневник и начала писать, выводя буквы мелко и быстро, чтобы успеть, пока свеча не догорела.

«23 сентября 1858 года.

Отец сегодня говорил о "бремени белого человека". Какое лицемерие! Настоящее бремя — это молчание. Бремя — это видеть страх в глазах Сары и знать, что я — часть той самой машины, что её терзает. Что я — дочь хозяина, наследница всего этого богатства, и что мои руки, какими бы чистыми они ни казались, запятнаны кровью этого порядка.

Я изучаю законы физики, но не могу понять законы, позволяющие одному человеку владеть другим. Как можно считать «имуществом» того, кто чувствует боль, кто любит своих детей, кто молится своим богам в ночной тишине?

Уильям с восторгом говорит об «имуществе», как о скоте. Он и не подозревает, что за каждым таким «имуществом» стоит человек. Семья. Судьба.

Я больше не выношу этих обедов. Мать беспокоится только о моём замужестве и о том, чтобы серебро сияло. Отец — о ценах на хлопок и о том, чтобы рабы не смели поднимать голову.

Иногда мне кажется, что я сойду с ума в этой позолоченной клетке. Я должна что-то сделать. Но что? Моя сила лишь в знаниях. В книгах, которые я читаю тайком, в мыслях, которые я не смею высказать вслух.

Может, знание однажды станет моим оружием? Может, однажды я найду тех, кто мыслит так же, и мы вместе...»

Она замерла, не дописав. Слово «сбежим» так и осталось невысказанным. Она не знала, куда бежать. Не знала, кому верить. Не знала, как можно разрушить стену, которую строили веками.

Эмили закрыла дневник, спрятала его обратно под половицу и задула свечу.

В комнате стало темно. Только луна заглядывала в окно, заливая пол серебристым, призрачным светом.

В темноте Эмили поклялась себе — однажды, когда-нибудь, она вырвется из этого места. Она поможет другим обрести то, что они потеряли. Она сделает так, чтобы никто больше не носил на запястьях следов от чужих пальцев.

Но сейчас она была всего лишь юной леди из семьи Картер. И её тайная война только начиналась.

Глава 4. Визит дяди

Двадцать октября тысяча восемьсот шестьдесят пятого года. Ровно год назад закончилась Война за Независимость Юга. Конфедерация, вопреки всем прогнозам, отстояла свой суверенитет. Север признал поражение, границы были установлены, и старый порядок не просто уцелел — он укрепился, как никогда прежде.

Парадная гостиная «Белого Тополя» сияла огнями хрустальных люстр и блеском начищенного серебра. Воздух был густым от запаха дорогого табака, виски и мужских голосов, звучащих с уверенностью победителей.

Эмили стояла у окна, наблюдая за прибытием гостей. Её дядя, полковник Джеймс Хоторн, только что вошёл в дом. Он был героем Новой Нации — его имя упоминалось в газетах, его портрет висел в правительственных учреждениях.

Он был в сером мундире с золотыми нашивками, его лицо, обветренное и ожесточённое войной, не выражало ничего, кроме холодной уверенности в своей правоте. Трость с серебряным набалдашником громко стучала по полированному полу, отбивая ритм его властной поступи.

Отец поднял бокал.

— За победителя! За независимость! И за нашего дорогого гостя!

Все присутствующие подняли бокалы. Эмили поднесла свой к губам, делая вид, что пьёт. Она не любила виски — да и не пила его никогда, но правила вежливости требовали этого жеста. Её брат Уильям, стоявший рядом, смотрел на дядю с неприкрытым обожанием. Для него полковник был живым богом — воплощением силы, мужества и истинного патриотизма.

Полковник Хоторн заговорил, и его голос, резкий и рубленый, как приказы на плацу, резал воздух.

— Независимость — это хорошо, Роберт. Но война открыла нам глаза. Старый порядок был слишком мягок. Слишком много снисхождения. Северяне и их прихвостни здесь, на Юге, ещё не усвоили урок. Наша задача теперь — быть жестче. Железной рукой.

Его взгляд, тяжёлый и всевидящий, скользнул по гостиной, задержался на портретах предков, на серебряных подсвечниках, на слугах, замерших у стен. А затем остановился на Эмили.

И ей показалось, что он видит её насквозь. Видит все её тайные мысли, все запретные книги, все часы, проведённые за чтением при свете украденной свечи.

— А вот и наша юная леди, — усмехнулся он. — Эмили, я слышал, ты у нас умница. Читаешь. Это похвально. Но остерегайся неправильных книг. В новой Конфедерации образование — дело государственной важности. Мы не потерпим разлагающих идей.

Эмили опустила глаза, изобразив на лице почтительную кротость.

— Рада видеть вас, дядя, — ответила она, и её голос был мягким и учтивым. — Я интересуюсь лишь ботаникой и химией. Чтобы помочь отцу с управлением поместьем. Ничем иным. Мать поспешно вмешалась, её голос звучал встревоженно.

— Она у нас скромница, Джеймс. Мечтает о хорошей партии.

Полковник хмыкнул, но ничего не ответил. Он повернулся к Уильяму, и завязался разговор о новых законах, ужесточающих контроль над рабами. О том, как теперь наказывают беглецов, как следят за подозрительными, как выявляют сочувствующих.

Эмили слушала и улыбалась. Но внутри неё росло нехорошее предчувствие.

Глава 5. Тень на пороге

Поздним вечером Эмили не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок, смотрела в потолок, считала удары собственного сердца. Мысли о словах полковника не давали покоя.

В конце концов она встала, накинула халат и бесшумно выскользнула в коридор. В доме было тихо — только часы в гостиной отбивали удары, да ветер гудел в каминных трубах.

Она спустилась в библиотеку за стаканом воды. Но, проходя мимо кабинета отца, услышала приглушённые голоса. Дверь была приоткрыта, и сквозь щель пробивался слабый свет лампы.

Эмили замерла, прижавшись к стене.

Голос полковника был тихим, но каждое слово падало с весом свинца:

— ...Не просто слух, Роберт. У нас есть информация. В соседнем графстве действует подпольная дорога. Выводят молодых, здоровых рабов на Север. Через новые границы. Предатели есть везде. Даже в наших кругах.

Голос отца, взволнованный и гневный:

— В моём доме предателей нет!

— Я в этом не сомневаюсь. Но бдительность — наша первая обязанность. Доверяй, но проверяй. Особенно тех, кто слишком много думает. Мысли, Роберт, опаснее пуль.

Эмили замерла. Сердце колотилось где-то в горле, и она боялась, что его стук выдаст её.

«Подпольная дорога». Значит, сопротивление всё ещё существует. Оно не умерло, не сдалось, не исчезло. Оно просто ушло в тень, стало тише, осторожнее.

Но теперь, после победы Юга, законы стали жёстче. За поимку сочувствующих теперь грозил не просто позор и изгнание. Грозил расстрел. Закон военного времени не щадил никого.

Эмили бесшумно вернулась в свою комнату, легла в кровать и долго смотрела в темноту.

Она не знала, что будет дальше. Но она знала одно — отступить нельзя.

Глава 6. Новый союзник?

На следующее утро Эмили вышла в сад. Ей нужно было подышать, нужно было думать. В голове царил хаос, и только свежий воздух и тишина цветущих роз могли немного успокоить её.

Солнце уже поднялось высоко, заливая аллеи золотистым светом. Птицы щебетали в ветвях магнолий, и воздух был пропитан сладким ароматом жасмина.

К ней подошёл молодой раб-садовник. Его звали Илайджа. Он был примерно её возраста — чуть старше, чуть выше, с жилистыми, сильными руками и лицом, которое ничего не выражало. Он был молчалив и умён — это заметили все, но никто не придавал этому значения.

Илайджа ухаживал за розами так, как будто это была тонкая наука. Он знал, когда нужно подрезать кусты, когда удобрить, когда полить. Он говорил с растениями шёпотом, и они, казалось, отвечали ему буйным цветением.

Он пронёс мимо Эмили тачку с землёй и, даже не глядя на неё, тихо, почти не размыкая губ, произнёс:

— Старая магнолия у восточной ограды... в дупле... иногда там находят странные цветы, мисс. Не здешние.

И прошёл дальше, не оглядываясь, будто ничего не случилось.

Эмили замерла. Сердце пропустило удар, затем забилося с такой силой, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

«Странные цветы»... это могло быть паролем, знаком, условным сигналом. «Восточная ограда» — самое дальнее, заброшенное место в поместье, куда почти никто не ходил, где старая каменная стена давно обвалилась, заросла плющом и ежевикой.

Это была ловушка? Провокация, подстроенная полковником, чтобы выявить нелояльных? Или... проблеск надежды? Тот самый шанс, которого она ждала, сама того не осознавая?

Эмили стояла посреди сада, сжимая в руках книгу, которую не читала. Ветер шевелил её волосы, и где-то вдалеке слышались голоса работников, возвращавшихся с полей.

Она понимала — игра вступила в новую, смертельно опасную фазу.

Раньше она лишь сочувствовала. Раньше она лишь мечтала о переменах, прячась в тени своей комнаты. Теперь ей, возможно, предложили войти в реальное сопротивление — в мире, где победили те, для кого рабство было краеугольным камнем всей нации.

Эмили глубоко вздохнула, подавляя дрожь в коленях, и медленно пошла обратно к дому.

Она не знала, пойдёт ли на эту встречу. Но она знала, что этот день изменил её навсегда.

Глава 7. Неосторожность у конюшни

Задний двор поместья был тихим и пыльным. Сюда редко заходили гости, и даже домашние появлялись только по необходимости. Эмили любила это место — здесь можно было оставаться незамеченной.

Сегодня она «случайно» оказалась там, где Илайджа подрезал кусты. Садовник работал молча, его движения были точными и выверенными, как у человека, привыкшего делать своё дело в тишине.

Эмили огляделась. Никого. Эйбнер, казалось, был занят на дальних полях. Пара служанок суетились у кухонных дверей, но они были слишком далеко.

Она быстро подошла к Илайдже.

— Илайджа, — тихо сказала она, делая вид, что поправляет перчатку. — О какой магнолии шла речь?

Он не поднял глаз, продолжая работать. Его секатор с тихим шелчком отрезал сухие ветки.

— Там, где каменная ограда разрушена, — так же тихо ответил он, почти не размыкая губ. — После заката... иногда видят огонёк. Как от сигары. Но никто из наших не курит...

Эмили открыла рот, чтобы спросить ещё что-то, но в этот момент из-за угла конюшни вышел Эйбнер.

Он появился внезапно, будто материализовался из тени. Его лицо с маленькими злыми глазками расплывалось в ухмылке — свирепой, предвкушающей, полной злорадства. Он всегда искал способ выслужиться перед хозяином, и сегодня, видимо, нашёл.

— Мисс Картер! — окликнул он, делая шаг вперёд. Его голос был приторно-вежливым, но в нём сквозила неприкрытая насмешка. — Прошу прощения, но что этот негодник мог вам сказать? Он вам нагрубил?

Его глаза блестели. Он всё видел. Эмили поняла это сразу.

Она выпрямилась, её лицо стало холодным и надменным.

— Он ничего не сказал, — ответила она, повысив голос. — Я отдавала распоряжение о кустах. Они цветут не в сезон, это непорядок. Я хотела, чтобы их перенесли под окна моей матери.

— Конечно, мисс, — Эйбнер сложил руки за спиной, его поза была подобострастной, но взгляд оставался цепким. — Но, с вашего позволения, я сам передам все распоряжения. Негоже барышне разговаривать с... рабочим скотом. — Он резко повернул голову в сторону Илайджи. — Проваливай!

Илайджа быстро ушёл, даже не взглянув на Эмили. Его спина была прямой, но в ней читалось напряжение человека, знающего, что его ждёт наказание.

Эмили осталась стоять, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Она проиграла этот раунд. Эйбнер видел их разговор, и теперь он расскажет отцу. Или, что ещё хуже, полковнику.

Она медленно пошла к дому, стараясь не показывать страха. Но внутри неё всё сжималось от предчувствия беды.

Глава 8. Допрос в кабинете

На следующее утро отец вызвал её в кабинет.

Эмили вошла и сразу почувствовала тяжелую, гнетущую атмосферу. В воздухе пахло кожей, коньяком и табаком — привычный запах этого кабинета, но сегодня он казался особенно душающим.

Отец стоял у камина, его лицо было мрачным, как грозовая туча. Он не смотрел на Эмили — он смотрел в огонь, и его профиль казался высеченным из камня.

В кресле у окна сидел полковник Хоторн. Он курил сигару, выпуская аккуратные колечки дыма, и наблюдал за происходящим с ленивым, хищным интересом. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользил по Эмили, как лезвие ножа.

— Эйбнер доложил мне, — начал отец, и его голос был глухим от сдерживаемого гнева. — Дочь моя, что это было? Что ты могла найти общего с этим рабом?

Эмили сохраняла спокойствие. Внутри неё бушевало море, но на лице застыла маска лёгкого недоумения.

— Отец, я уже сказала Эйбнеру, — ответила она, вкладывая в голос лёгкую обиду. — Это было касательно кустов у окна матери. Я хотела, чтобы их перенесли. Разве я не могу отдавать распоряжения по благоустройству сада?

— Можешь, — отец резко повернулся к ней. — Через управителя. Или через меня. Твой разговор показался Эйбнеру... слишком тихим. Слишком долгим для простого приказа.

Полковник мягко вмешался. В его голосе не было резкости — была сталь, обёрнутая в бархат.

— Позволь, Роберт, — сказал он, обращаясь к отцу, а затем перевёл взгляд на Эмили. — Эмили, детка. Война научила меня одному: муравейник разрушается изнутри. Предатель всегда начинает с малого. С «невинного» разговора. С сочувствия. — Он выпустил колечко дыма. — Этот Илайджа... он грамотный? Он кажется умнее других?

Эмили выдержала его взгляд. Сердце стучало в висках, но она не отвела глаз.

— Дядя, я не изучала его умственные способности, — ответила она, и её голос был ровным. — Я интересуюсь ботаникой, а не философией рабов. Мне было жаль эти кусты. И всё.

Она опустила взгляд, провела рукой по платью, изобразив смущение и лёгкую обиду. Затем повернулась к отцу, и в её голосе зазвучала почти детская мольба:

— Прости, отец. Я не думала, что моё рвение к саду вызовет такие... подозрения. В будущем я буду обращаться к Эйбнеру по каждому поводу.

Отец смотрел на неё. Гнев в его глазах постепенно таял, сменяясь беспокойством. Ему хотелось верить ей. Он не мог поверить, что его дочь способна на что-то большее, чем девичьи капризы.

— Хорошо, Эмили, — вздохнул он. — Иди. И забудь об этом. А того раба... мы переведём на дальние поля. Чтобы больше не смущал тебя своим видом.

Эмили кивнула и вышла из кабинета, не оборачиваясь. Но она чувствовала на своей спине взгляд полковника — холодный, оценивающий, недоверчивый.

Он не убедился. Он просто отступил, чтобы занять лучшую позицию.

Это было поражение. Илайджу накажут — возможно, жестоко. Её канал связи был уничижен, едва успев возникнуть.

Эмили закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной. Она смотрела в потолок, и её сердце колотилось где-то в горле.

Теперь она знала: за ней следят. Каждое её движение. Каждый взгляд. Эйбнер, её дядя, даже сам отец — все они были частью системы, которая не прощала ошибок.

Но Эмили не собиралась сдаваться.

Глава 9. Разговор в спальне

Поздний вечер опустился на «Белый Тополь» тяжёлой, бархатной тьмой. В доме стихли голоса, погасли огни, и только редкие шаги прислуги нарушали тишину.

Эмили сидела за туалетным столиком в своём будуаре. Свечи отражались в трёхстворчатом зеркале, создавая бесконечные коридоры теней и света. Сара стояла за её спиной и расчёсывала её длинные тёмные волосы — мерно, терпеливо, привычным движением руки.

В зеркале Эмили видела отражение Сары. Усталое лицо, опущенные веки, тонкие губы, сжатые в ниточку. Оно ничего не выражало — так учили, так требовали правила. Слуга не должен иметь лица.

Но Эмили научилась смотреть глубже.

— Сара, — тихо сказала она, глядя на отражение. — Про Илайджу. Садовника. Его перевели на дальние поля. Из-за меня.

Сара замерла на секунду. Всего на секунду. Её рука с гребнем остановилась, затем снова продолжила своё размеренное движение.

— Не ваша вина, мисс Эмили, — ответила она, и в её голосе не было ни укора, ни облегчения. — Такова воля хозяина.

Эмили не выдержала. Она резко повернулась на стуле, заставляя Сару встретиться с ней взглядом. В её глазах не было надменности хозяйки — была боль, была вина, было отчаяние того, кто чувствует себя соучастником чужой беды.

— Нет, — твёрдо сказала она. — Это из-за меня. Эйбнер всё видел. Я просто хотела... — она запнулась, подбирая слова. — Я слышала, он хороший садовник. Хотела спросить о магнолиях. А теперь... с ним всё в порядке? Что с ним будет?

Сара смотрела на неё с лёгкой тревогой. Она колебалась. Каждое слово могло стоить ей дорого — она знала это. Но её глаза, усталые и запавшие, говорили больше, чем её губы.

— Его выпороли, — прошептала она еле слышно. — Два дня назад. Работает на хлопке. Эйбнер... приглядывает за ним.

Эмили закрыла глаза. Нестерпимая тошнота подступила к горлу, комок встал поперёк дыхания. Её неосторожность — всего одно слово, один неверный шаг — принесла ему боль. Кровь. Страдание.

Она сжала пальцами край столика, чтобы унять дрожь.

— Я должна помочь ему, — прошептала она, открывая глаза. — Как-то... Я не хотела этого. Ты... ты что-нибудь знаешь о нём? О его семье? Может, я могу передать ему что-то? Еду? Мазь?

Сара каменеет. Её лицо бледнеет, глаза расширяются, и в них вспыхивает настоящий, животный страх.

— Мисс Эмили, умоляю вас! — её голос, обычно тихий и покорный, срывается на отчаянный шёпот. — Не надо! Ничего не передавайте! Никогда!

Она оглядывается на дверь, словно ожидая, что за ней стоит кто-то из надсмотрщиков, подслушивает, смотрит.

— После визита полковника... все следят. За всеми. Если меня увидят... если его найдут с вашим свёртком... его убьют. А меня... — она не договаривает, замирает на полуслове.

Эмили понимала. Не нужно было договаривать. Продажа. Избиение. Смерть. Список был бесконечен.

Сара сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. Её плечи подрагивали.

— Он... он молчаливый, — продолжила она, глядя в пол. — Ни с кем не водится. Говорили... — она снова замолчала, испугавшись собственной болтливости.

— Говорили что, Сара? — мягко спросила Эмили. — Я никому не скажу. Я даю слово.

Сара подняла глаза. Долгий, испытующий взгляд. Она решала — можно ли доверять этой белой барышне, которая сидит перед ней в шелковом халате, в комнате, заставленной дорогой мебелью. Она решала, стоит ли рисковать всем ради этого разговора.

— Говорили... — наконец произнесла она обречённо. — Его мать была из дома Клэйборнов. А у них... там был пожар. Случайный. Много лет назад. И старая миссис Клэйборн после пожара всегда говорила, что её любимая шкатулка... будто сквозь землю провалилась.

Она быстро, почти испуганно, поклонилась.

— Спокойной ночи, мисс Эмили.

И вышла. Бесшумно, как тень.

Эмили осталась одна. Сидела неподвижно, глядя в пустоту.

— Пожар, — прошептала она. — Шкатулка провалилась сквозь землю.

На языке рабов это могло означать что угодно. Саботаж. Кражу. Побег. Сопротивление. Но для Эмили это был ясный сигнал. Илайджа — не просто молчаливый садовник. У него есть прошлое. Связи. Тайна. Возможно, его мать была частью сопротивления. Возможно, он сам — звено в той самой цепи, которую она так долго искала.

«Сквозь землю провалилась...»

Эмили подошла к окну. Ночь смотрела на неё тысячей звёзд, холодных и равнодушных. Она сжимала край шторы и думала.

Она получила ценную информацию. Но цена вопроса — благополучие Сары. И её собственная безопасность.

Теперь она была связана молчаливым знанием. Её следующий шаг должен быть безупречно осторожным. Одна ошибка — и они все рухнут в пропасть.

Но отступать было нельзя. Эмили подошла к полнице, достала дневник и написала одно слово:

«Илайджа».

Затем задула свечу.

Глава 10. Встреча на хлопковом поле

Дальние поля поместья «Белый Тополь» простирались до самого горизонта. Бесконечные ряды низких хлопковых кустов, присыпанных белыми пушистыми коробочками, уходили вдаль, сливаясь с линией неба. Воздух был зыбок от жары, тяжёл и пылен. Солнце стояло в зените, и даже ветер, казалось, боялся нарушить эту душную, гнетущую тишину.

Вдали, на поле, согнувшись в три погибели, двигались тёмные фигуры. Работали молча, без песен, без разговоров. Только сухие щелчки ломающихся стеблей да шорох одежды нарушали тишину.

Над ними, верхом на костлявой кобыле, сидел Эйбнер. Его кнут был приторочен к седлу, а сам он, раскачиваясь в такт движениям лошади, с ленивой настороженностью оглядывал поле.

И затем появилась она.

Эмили подъехала на своей гнедой кобыле, которую назвала Леди в честь матери, не зная тогда ещё, каким будет её путь. Платье для верховой езды было простым, но дорогим — тёмно-синяя амазонка, плотно облегающая фигуру, и маленькая шляпка с вуалью, которую она откинула. Леди шла лёгкой, ритмичной рысью, её грива развевалась по ветру.

Появление Эмили на дальних полях было подобно явлению призрака. Все головы повернулись в её сторону — на секунду, не больше. А затем глаза снова устали в землю. Смотреть на белую барышню рабам было запрещено под страхом порки.

Но Эмили видела эти взгляды. Мельком, краем глаза, но видела. В них не было любопытства. Был страх. И надежда.

Эйбнер резко развернул свою костлявую кобылу и рысью подъехал к ней. Его лицо выражало настороженное недоумение. Он явно не ожидал увидеть здесь дочь хозяина.

— Мисс Картер? — спросил он, приподнимая бровь. — Сюда занесло? Здесь не место для прогулок. И пыльно, и солнце палит. Можете запачкать платье.

Он говорил вежливо, но в его голосе чувствовалась скрытая насмешка. Он проверял её. Искал слабинку.

Эмили выпрямилась в седле. Её лицо было надменным, как и подобает дочери плантатора. Она смотрела вверх головы Эйбнера, в бесконечную даль поля.

— Я катаюсь по своей земле, Эйбнер, — ответила она с лёгкой высокомерной небрежностью. — Разве не имею права? Воздух здесь... свободнее.

Она бросила вызов. Специально. Чтобы он понял — она не боится. Чтобы он засомневался.

Её взгляд скользнул по полю, выискивая знакомую фигуру. И она нашла.

Илайджа стоял, опершись на мотыгу, в нескольких рядах от неё. Его спина была в грязной рубахе, выгоревшей на солнце до белизны. Он смотрел прямо на неё. Всего секунду. Но в этой секунде было всё — узнавание, предупреждение, вызов.

В его глазах не было просьбы. Не было упрёка. Только холодная, оценивающая твердость. Он проверял её.

Эйбнер проследил за её взглядом и нахмурился.

— Конечно, имеете, — сказал он, возвращая её внимание к себе. — Но это место не для вас. Здесь работают. Иногда сбегают собаки. Могли бы и испугаться.

Он намекал на свою свирепость. На то, что с рабами он обращается жёстко и не любит лишних глаз.

Эмили сделала вид, что не заметила подтекста. Она повернула Леди в сторону Илайджи и произнесла, глядя прямо на него:

— Я не из пугливых. Мне жаль эти кусты. Выглядят чахло. Может, им не хватает ухода?

Она вкладывала в слова двойной смысл — и Эйбнер, кажется, понял. Он резко подъехал ближе, заслоняя собой обзор.

— Уходом я занимаюсь, мисс, — его голос стал жёстким. — Лично. И гарантирую, он им будет обеспечен. В полной мере.

Он не отступит. Эмили поняла это. Он понял, что её интерес не случаен. Он будет следить теперь вдвойне.

Эмили слегка кивнула, делая вид, что приняла его заботу.

— Очень хорошо, — сказала она. — Тогда я не буду мешать вашему... усердию.

Она развернула Леди и лёгким шенкелем отправила её в сторону дома. Не оглядываясь. Не показывая страха.

Она уезжала, чувствуя на спине его тяжёлый, ненавидящий взгляд. И взгляд Илайджи — твёрдый, предупреждающий. Возможно, последний, что он видел перед новой поркой.

Эмили добилась своего — она увидела Илайджу. Она дала ему знать, что не отступилась, что помнит о нём, что продолжает свою игру.

Это был сигнал.

Но цена этого сигнала была высока. Эйбнер теперь абсолютно уверен в её связи с садовником. Он удвоит бдительность. Илайдже, скорее всего, достанется ещё одна порка — «для профилактики».

Эмили играла с огнём. Её дерзость была и силой, и величайшей уязвимостью. Перчатки были сорваны. Система знала ей цену.

И теперь ей предстояло выдержать этот удар.

Глава 11. Объяснение перед судом

Кабинет отца встретил Эмили привычным запахом кожи и коньяка. Но на этот раз атмосфера была иной — не просто деловой, а давящей, почти враждебной.

Полковник Хоторн сидел в кресле в углу, курил сигару и наблюдал. Его молчаливое присутствие создавало невыносимое давление, будто воздух в комнате стал гуще, тяжелее. Он не вмешивался — пока. Просто смотрел. И этого было достаточно, чтобы Эмили почувствовала, как её сердце уходит в пятки.

Отец стоял посреди комнаты, его лицо не выражало гнева, но оно было сурово и озабоченно. Он смотрел на дочь не как на любимое дитя, а как на нарушителя порядка, которого нужно допросить.

— Эмили, — сказал он, и его голос был спокоен. — Садись.

Эмили села в кресло напротив отца, сохраняя на лице выражение спокойной невинности. Она скрестила руки на коленях, как учила миссис Патисон, и подняла глаза. В них не было страха — только лёгкое недоумение.

Отец начал допрос, не скрывая подозрений:

— Эйбнер доложил мне о твоей вчерашней... прогулке. На дальние поля. Объясни мне, дочь моя, что заставило тебя поехать в самое грязное и опасное место нашего поместья, когда у нас есть прекрасные аллеи для верховой езды?

Эмили пожалала плечами, изобразив лёгкую обиду.

— Отец, я же сказала Эйбнеру. Я просто каталась. Мне наскучили одни и те же маршруты. Я хотела увидеть все свои владения. Разве это преступление? Я дочь этого дома, и мне негоже бояться собственной земли.

Отец хлопнул ладонью по столу. Глаза его сверкнули.

— Не играй со мной в слова, Эмили! Ты каталась именно туда, где работает тот самый раб, с которым у тебя был подозрительный разговор! Ты думаешь, я слеп? Ты думаешь, Эйбнер дурак?

Полковник вмешался. Мягко, почти ласково, как хищник, оглаживающий когтями шкуру жертвы.

— Девочка, в наше время глупость приравнивается к измене, — сказал он, выпуская струйку дыма. — А измена карается быстро и сурово. Даже для девушек из лучших семей.

Его слова повисли в воздухе — холодные, тяжёлые, как свинец.

Эмили выдержала паузу. Она знала — сейчас ключевой момент. Любая слабость — и всё рухнет.

— Так вот что это? — спросила она, и её голос задрожал — нарочно, с расчётом. — Меня обвиняют в измене? За то, что я проехала по полям? Потому что какой-то надсмотрщик что-то там себе вообразил? Может, он просто хочет выслужиться перед вами, дядя, выдумывая разговоры там, где их нет!

Она посмотрела на отца. В её глазах была обида — настоящая, оскорблённая, почти детская.

— Мне было любопытно, отец! Только и всего! После разговора с тобой и дядей я... я почувствовала себя под колпаком. Мне захотелось просто куда-то уехать, где меня не будут подозревать в чём-то ужасном на каждом шагу!

Она опустила голову, провела рукой по платью, изображая смущение и вину.

— И да, я посмотрела на того раба. Чтобы убедиться, что с ним всё в порядке. Потому что я чувствовала себя виноватой из-за того, что его наказали из-за моего глупого вопроса о кустах!

Эта смесь правды — её любопытство и чувство вины — и лжи — истинная причина её интереса — звучала убедительно. Отец смотрел на неё, и его суровость постепенно таяла, сменяясь усталым беспокойством. Ему хотелось верить. Он не мог поверить, что его дочь способна на большее, чем глупые капризы оскорблённой барышни.

— Эмили, дитя моё... — вздохнул он. — Этот мир стал сложнее. Твоя невинная любознательность может быть истолкована превратно. Не только Эйбнером. Рабы... они как дикие звери. Они чувствуют слабину. Твоя доброта может быть воспринята как слабость. И тогда пострадаешь не только ты.

Полковник поднялся. Его тень легла на Эмили, и в этот момент она почувствовала себя маленькой и уязвимой.

— Запомни, племянница, — сказал он. — Доброта к нашим слугам — это не сантименты. Это дисциплина. Как уход за оружием. Слишком много масла — и оно заклинит в решающий момент. Слишком мало — заржавеет. Твой отец прав. Твоё место — не на полях. Твоё место — здесь, в доме. Учись управлять, а не... сочувствовать.

Он положил руку на плечо отца.

— Я думаю, девочка всё поняла, Роберт, — закончил он. — Не будем её больше мучить. Эмили поднялась. Она вышла из кабинета, не проронив ни слова, не обернувшись.

Но только за дверью она позволила себе дрожать. Дрожать от страха, от гнева, от унижения, от стыда.

Она отбила атаку. Избежала наказания. Но ценой того, что её сочли капризной и глупой девицей.

— Я всего лишь дочь, — прошептала она, прислонившись к стене. — Глупая, нервная, незрелая девчонка.

Они поставили её на место. Теперь за ней будут следить ещё пристальнее. Её клетка стала ещё теснее.

Эмили закрыла глаза. Следующий шаг должен быть абсолютно безупречным.

Глава 12. Последняя черта

Хлопковое поле было раскалено добела. Жара стояла невыносимая, воздух дрожал над землёй, и пыль, поднимаемая ветром, оседала на лице, на одежде, на губах, оставляя горький привкус.

Эмили оглядела горизонт. Знакомой тощей кобылы Эйбнера нигде не было видно. Сердце колотилось где-то в горле, но она решилась.

Она быстро, почти бегом, направилась к Илайдже. Он работал в дальнем ряду, срывая коробочки хлопца с механической, отчаянной быстротой. Его лицо ничего не выражало.

— Илайджа, — прошептала Эмили, подходя почти вплотную. — Я знаю про шкатулку. Про пожар. Я хочу помочь.

Он даже не поднял глаз. Его голос, тихий и глухой, прозвучал как приговор:

— Уходите, мисс. Здесь вам не место.

— Но я могу! — настаивала она. — Я могу передать весть, еду, лекарства...

Илайджа поднял голову. Его взгляд, быстрый и отчаянный, на секунду встретился с её.

— Вы уже «помогли» мне, — прошипел он сквозь зубы. — Дважды. Больше не надо. Ваша «помощь» убивает.

И в этот момент сзади раздался голос. Хриплый, с придыханием, полный торжества и злорадства.

— Ну вот, — сказал Эйбнер, выходя из-за кустов, где он прятался всё это время. — Оправдались мои худшие подозрения.

Эмили обернулась.

Он стоял в паре шагов. Его кнут свисал из правой руки, и он поигрывал им, как кошка — пойманной мышью. Он не был далеко. Он всё это время был здесь. Следил. Ждал.

Ловушка захлопнулась.

Он подошёл к Илайдже, встал вплотную, почти касаясь его своим грузным телом.

— Опять твои грязные уши шепчутся с белой барышней, черномазый? — прорычал он. — Не усвоил урок?

Он занёс кнут.

Илайджа замер, глядя в землю, его тело напряглось в ожидании удара.

И тут Эмили взорвалась.

Вся боль, весь страх, всё отчаяние, накопленное за эти годы, выплеснулись наружу. Она шагнула вперёд, вставая между Эйбнером и Илайджей, заслоняя его собой.

— ОТСТАНЬТЕ ОТ НЕГО! — закричала она.

Её голос, звонкий и полный ярости, прорезал воздух, как удар хлыста.

Поле замерло. Рабы, работавшие неподалёку, замерли на месте, не смея поднять глаз, но каждый из них слышал. Каждый чувствовал.

— Вы грубый, тупой, жестокий зверь! — продолжала Эмили, не сдерживаясь. — Вы не понимаете ничего, кроме силы и кнута! Этот человек работает, а вы только и умеете, что придирается и наказывать! Может, именно из-за таких, как вы, всё и разваливается? Потому что вы управляете силой зверей, а не умом!

Она стояла, вся дрожа, с горящими щеками и высоко поднятой головой. Она ничего не боялась. Или боялась, но переступила через этот страх.

Эйбнер медленно опустил кнут.

На его лице не было гнева. Не было удивления. Было холодное, леденящее удовлетворение. Он добился того, чего хотел. Он спровоцировал её, и она попалась.

— Как скажете, мисс Картер, — сказал он вежливо, почти подобострастно, но в его голосе сквозила ядовитая усмешка. — Прошу прощения, что оскорбил ваши нежные чувства. Я, конечно, удалюсь.

Он отступил на шаг. Его глаза говорили: «Я тебя уничтожу».

— И доложу вашему отцу, — добавил он, разворачиваясь, — что его дочь публично защищает раба от белого надсмотрщика.

Он ушёл. Не к конюшне, а прямо к большому дому, тяжёлой, уверенной походкой победителя.

Илайджа смотрел на Эмили. В его глазах не было благодарности. Не было гнева. Был ужас. И нечто похожее на жалость.

— Вы только что подписали себе и мне смертный приговор, — тихо сказал он. — Или хуже.

Он отвернулся и ушёл вглубь поля, растворяясь среди других согнутых спин.

Эмили осталась одна. Посреди поля. Под палящим солнцем.

Эйфория от смелого поступка ушла. Вместо неё пришёл ледяной, всепоглощающий ужас. Она всё поняла. Она только что публично, на глазах у десятков свидетелей, поставила под сомнение саму основу власти белого человека над чёрным. Она оскорбила не просто Эйбнера. Она оскорбила всю систему.

Последствия будут немедленными и суровыми. Бегство невозможно. Впереди — гнев отца. И, что гораздо страшнее, холодная, безжалостная "справедливость" её дяди-полковника. Эмили закрыла глаза. Слёзы текли по щекам, смешиваясь с пылью и потом. Она не знала, что будет дальше. Она знала только одно — назад дороги нет.

Глава 13. Буря в кабинете

Дверь кабинета отца закрылась за Эмили с глухим, окончательным стуком. Воздух внутри был густым и тяжёлым, пропитанным запахом гнева и разочарования.

Отец не сел за стол. Он стоял перед ней, его лицо было багровым, жилы на шее налились кровью, и казалось, что ещё секунда — и он разорвётся от переполнявшей его ярости.

— Объяснись! — рявкнул он, и его голос, низкий и дрожащий, прозвучал как удар грома. — Сейчас же! Что, чёрт возьми, это было? Публичная истерика в защиту раба? Оскорбление моего надсмотрщика, белого человека, перед всей челядью? Ты понимаешь, что ты натворила? Ты унизила нашу семью! Ты выставила нас посмешищем!

Эмили стояла перед ним, сжав кулаки до белых костяшек. Страх, который гнал её домой, куда-то испарился. Вместо него пришло странное, почти пьянящее чувство свободы. Свободы от лжи. От масок. От всего, что душило её годами.

— Посмешищем? — переспросила она, и её голос звенел, но не дрожал. — Нет, отец. Нашу семью унижают не слова, а поступки. Унижает то, что мы позволяем таким тварям, как Эйбнер, избивать людей. Унижает сама эта система, построенная на жестокости и несправедливости!

Лицо отца исказилось. Он смотрел на неё так, будто видел перед собой не дочь, а чужого, опасного незнакомца.

— Система? — прорычал он. — Какая система? Это наш образ жизни! Это порядок, данный Богом! Это то, что кормит и одевает тебя с самого рождения! Ты пользуешься благами этого строя, а теперь плюёшь на него, как избалованная девчонка!

Эмили шагнула вперёд. Её глаза горели.

— Богом? — воскликнула она. — Какой Бог может одобрять это? Я вижу, как ломают людей! Я вижу страх в их глазах! Это не порядок, отец, это ад! И мы все в нём живём. Просто вы — вы и такие, как Уильям — отказываетесь это видеть. Вы закрываете глаза и называете это «божьим промыслом»!

Отец взорвался. Он с силой ударил кулаком по столу, и тяжелая дубовая столешница содрогнулась.

— ЗАТКНИСЬ! — закричал он. — Молчи, пока я тебя не выпорол, как последнюю рабыню! Ты ничего не понимаешь в жизни! Твои книжки и дурацкие идеи вскружили тебе голову! Это романтический бред, не более!

Эмили не замолчала. Слёзы гнева и обиды наворачивались на глаза, но она не позволила им пролиться.

— Это не бред! — почти крикнула она. — Это правда, которую я вижу каждый день! И да, может, я избалованная — избалованная тишиной, которую вы все храните, чтобы не слышать их стонов! Я не хочу больше быть частью этого! Это неправильно! Это ГНУСНО!

Слово повисло в воздухе. Резкое, как пощёчина.

Отец замер. Гнев в его глазах угас, сменившись ледяным, страшным спокойствием. Он смотрел на Эмили не как на дочь, а как на чужака. Как на политического оппонента. Как на предателя.

— Значит, так, — произнёс он тихим, почти безжизненным голосом. — Гнусно. Мой дом. Моя работа. Моя жизнь. Ты называешь гнусной.

Он медленно обошёл стол и подошёл к окну. Его взгляд был устремлён на поля, на рабов, копошившихся вдалеке, на всю эту империю, которую он выстроил и которая, как он только что понял, была для его собственной дочери омерзительна.

— Хорошо, мисс Просвещённая, — сказал он, не оборачиваясь. — Раз ты так жалеешь этого раба, тебе не место под одной крышей с таким «гнусным» рабовладельцем, как я. И раз ты так яро защищаешь его честь... мы проверим её.

Он повернулся. В его глазах было решение, от которого у Эмили застыла кровь в жилах.

— Эйбнер был прав, — продолжил отец. — Тебе нужен урок. Урок, который отобьёт у тебя всю эту дурную кровь раз и навсегда. Завтра на рассвете этого Илайджи выпорют. Публично. Перед всеми рабами. И ты будешь стоять рядом со мной и смотреть. Пока не поймёшь, что такое настоящая, а не выдуманная тобой жестокость. И где твоё место.

Он указал на дверь.

— А сейчас — в свою комнату, — приказал он. — Ты не выйдешь из неё без моего разрешения. Никто из прислуги не смеет с тобой разговаривать. Ты будешь сидеть там и ждать утра. В размышлениях.

Эмили не ответила. Она вышла из кабинета, не проронив ни слова, и прошла в свою комнату, где за ней захлопнулась дверь — и её заперли снаружи.

Она опустила на кровать, глядя в потолок.

Леденящий ужас охватил её. Её бунт привёл не к освобождению. Он привёл к ужасающей, конкретной жестокости по отношению к тому, кого она хотела защитить.

Её слова обернулись плетью для Илайджи.

Завтрашний рассвет принесёт не свободу. Он принесёт кровавую расправу. И она будет вынуждена на неё смотреть.

Эмили закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Прости меня, Илайджа.

Глава 14. Виновная в вашем бунте

Эмили стояла за закрытой дверью своей спальни, прижавшись к холодной стене. Она не могла уснуть. Не могла успокоиться. Мысли метались в голове, как загнанные звери.

Снизу, через несколько лестничных пролётов, доносились приглушённые голоса. Сначала она не могла разобрать слов — лишь гул, сердитый и взволнованный. Затем тяжёлые шаги, стук, и снова голоса — уже ближе, уже чётче.

Она узнала отца. Его голос был хриплым, сорванным от недавнего крика, но всё ещё кипел гневом.

— Ну что, Кларисса? — зло бросил он. — Довольна? Доволен твой брат-пьяница, надаривший Эмили своих мятежных книг?

Голос матери, медленный и слегка затуманенный — видимо, херес или сигара сделали своё дело, — прозвучал устало и безразлично.

— Не приводи Джеффри в этот разговор, Роберт. Он, по крайней мере, видел мир шире кукурузного поля.

— Мир? — фыркнул отец. — Он видел дно бутылки! И он успел наполнить голову нашей дочери той же отравой, что сгубила его! Ты знала! Ты видела, чем она увлекается, и ничего не сделала!

Мать горько усмехнулась.

— И что я должна была сделать? Запереть её в чулане? Как ты собираешься сделать сейчас? — В её голосе прозвучала насмешка. — Ты думаешь, это поможет? Она не от глупости бунтует, Роберт. Она от отчаяния. В этом доме все отчаянно ищут, чем дышать. Я нашла. Она ищет свой способ.

— Не смей сравнивать своё... своё пьянство и её истерики! — взорвался отец. — Ты — моя жена! Ты должна была быть оплотом порядка и добродетели! А вместо этого ты проводишь дни в своём будуаре в дымной завесе!

Голос матери вдруг стал острым, как битое стекло.

— Добродетель? Ты хочешь поговорить о добродетели, Роберт? О добродетели владеть людьми? О добродетели смотреть, как твой надсмотрщик, этот грубый скот, ломает их? — Она замолчала на секунду. — Я закрываю глаза не с помощью книг. У меня есть нечто более действенное. И это единственная причина, почему я ещё могу смотреть на тебя и на эту твою "добродетель" без рвоты.

Воцарилась оглушительная тишина.

Эмили замерла, прижавшись ухом к двери. Она никогда не слышала, чтобы мать так говорила с отцом. Никогда.

Отец ответил тихо, с опасной мягкостью в голосе:

— Вон из моего кабинета. И если твоя испорченность коснётся Уильяма... если я хоть раз увижу его с сигарой или рюмкой...

Мать, уже с привычной усталой небрежностью, бросила:

— Не беспокойся. Уильям — твоё идеальное творение. Он будет так же бить своих рабов и так же ненавидеть своих жён. Тебе нечего бояться.

Раздался звук открывающейся и закрывающейся двери. Затем — глухой стук тяжёлого графина о столешницу.

Эмили отступила от двери, прислонившись спиной к стене. Сердце колотилось где-то в горле.

Мать не защищала её. Она не разделяла её идеалов. Но её циничное признание — «в этом доме все ищут, чем дышать» — было жестоким оправданием. Она понимала бунт дочери, даже если не поддерживала его причину.

Она видела в Эмили родственную душу — ещё одного беглеца из золотой клетки Картеров.

Отец теперь видел корень проблемы не только в дочери, но и в «разложении», которое мать принесла в дом. Его гнев был направлен на них обоих.

Это не укрепляло их альянс с матерью, но создавало странную, молчаливую связь. Они обе были проблемами, которые ему приходилось решать.

А на рассвете — экзекуция.

Эмили посмотрела в окно. Ночь была ещё глубока, но где-то на горизонте уже начинала брезжить серая полоса.

У неё оставалось всего несколько часов. Часов, чтобы придумать, как остановить эту расправу.

Осознание, что мать, возможно, её единственный призрачный союзник в этом доме, пришло к ней вместе с холодом ночи.

Но поможет ли это? И чем?

Эмили опустила на колени у кровати и закрыла лицо руками.

«Что мне делать?» — прошептала она в темноту.

И тишина не ответила.

Глава 15. Рассвет возмездия

Холодный, серый свет зари едва просачивался сквозь тяжёлые шторы, когда дверь комнаты Эмили отперлась снаружи.

Вошли не служанки с утренним чаем. Вошли отец и двое надзирателей — Эйбнер и другой, крупный мужчина с бесстрастным, каменным лицом. Оба были в чёрном, оба смотрели на неё с холодной отстранённостью палачей.

— Одевайся, — сказал отец.

Его голос был лишён всяких эмоций. Это был не просьба. Это был приказ.

Эмили молча поднялась с кровати. Её руки дрожали, но она не проронила ни звука. Под их бдительными, тяжёлыми взглядами она натянула платье, застегнула пуговицы, поправила воротник. Эйбнер наблюдал за ней с мрачным удовлетворением — его маленькие глазки блестя в полумраке, и на губах играла едва заметная, злорадная усмешка.

Отец коротко кивнул надзирателям. Они встали по бокам от Эмили — не касаясь, не прикасаясь, но их присутствие было сплошной угрозой, застывшей в воздухе.

— Если мисс Картер попытается вмешаться, — произнёс отец, обращаясь к ним, но глядя прямо на дочь, — крикнуть, упасть в обморок или как-либо иначе нарушить процедуру... вы немедленно её остановите. — Он сделал паузу. — Понятно?

— Так точно, сэр, — отозвался Эйбнер, и в его голосе прозвучало неприкрытое удовольствие.

Их повели через спящий дом. Вниз по широкой лестнице, мимо портретов предков, смотревших на неё с неммым укором, мимо застывшей прислуги, не смевшей поднять глаза. Затем — через парадную дверь, наружу.

Влажный утренний воздух обжёг лёгкие. Было прохладно, но Эмили не чувствовала холода. Внутри неё всё онемело, будто кто-то выключил все чувства, оставив только зрение — острое, неестественно чёткое.

Во дворе, у позорного столба, уже собрались все рабы поместья. Мужчины, женщины, дети — сотни глаз, устремлённых в землю, сотни тел, застывших в масках покорности и ужаса.

В центре, привязанный к столбу, стоял Илайджа. Его спина была обнажена. Кожа на ней была бледной, с уже зажившими шрамами прошлых наказаний — и свежими полосами от последней порки.

Отец взял Эмили за локоть и повёл к небольшому возвышению, специально сооружённому для этой церемонии. Отсюда открывался «идеальный» вид на всё происходящее — ни одна деталь не должна была ускользнуть от её взгляда.

Он остановился рядом с ней, его взгляд был устремлён вперёд, на столб, на Илайджу, на толпу.

— Смотри, — тихо сказал он, обращаясь только к ней. — И запомни. Это цена твоего непослушания. Это цена их непокорности. Это — порядок.

Палач — тот самый крупный надзиратель — смочил кнут в ведре с солёной водой. Эйбнер сделал шаг вперёд, достал лист бумаги и начал зачитывать «приговор» — длинный, напыщенный текст о неподчинении и оскорблении власти.

Эмили не слушала. Она смотрела.

Смотрела, как напряглась спина Илайджи, как его пальцы сжались в кулаки, как он впился взглядом в землю, готовясь к удару.

Смотрела на испуганные глаза Сары в толпе, на её побелевшие губы, на дрожащие руки.

Смотрела на холодное, торжествующее лицо Эйбнера, который, закончив читать, отступил на шаг и кивнул палачу.

Два надзирателя стояли сзади. Отец — сбоку.

Целая система, готовая сломать её, как она ломала того, кто был привязан к столбу.

И Эмили поняла — она бессильна.

— Начинайте, — приказал отец.

Глава 16. Жертвоприношение

Эмили не могла молчать.

Прежде чем Эйбнер успел открыть рот и выкрикнуть первое слово приговора, она дёрнулась вперёд и схватила отца за рукав. Её голос сорвался на шёпот — хриплый, отчаянный, полный мольбы, какой она никогда прежде не произносила.

— Отец, прошу тебя... — выдохнула она, сжимая ткань его пиджака так, что побелели костяшки пальцев. — Не делай этого. Это моя вина. Накажи меня. Запри меня, отправь в монастырь, куда угодно! Но не его... Это неправильно. Пожалуйста!

Она смотрела на него, вкладывая в свой взгляд всю боль, весь ужас, всю надежду, которая ещё теплилась в её груди. Она искала в его глазах хоть крупинку того человека, который когда-то читал ей сказки на ночь, который утешал её после детских кошмаров, который называл её «моя маленькая принцесса».

Но его лицо было высечено из камня.

Он медленно, твёрдо, неспешно освободил свой рукав из её пальцев. Один за другим. Без грубости. Без жалости. Просто — отстранился. Его глаза были холодны, как зимнее небо.

— Ты просила показать тебе правду, — сказал он, и в его голосе не было ни гнева, ни торжества. Только ледяная, неумолимая констатация факта. — Сейчас ты её увидишь. Молчи и смотри.

Он кивнул Эйбнеру.

Тот выкрикнул обвинение — громко, на весь двор, чтобы слышали все рабы, чтобы каждое слово врезалось в их память как напоминание об их месте. «Неповиновение и развращение сознания белой барышни».

Палач занёс кнут.

Эмили замерла.

Первый удар. Резкий, влажный, отвратительный звук рассекаемой плоти. Тело Илайджи вздрогнуло, будто от удара током, но он не издал ни звука — только судорожно сжал кулаки.

Слёзы медленно, горячо потекли по лицу Эмили. Они были не солёными — они были обжигающими, как расплавленный свинец. Она не издала ни звука. Её мольба была отвергнута. Теперь она могла только смотреть.

И она смотрела. Не отрываясь.

Она видела, как плоть наливалась багровыми полосами, как кровь смешивалась с солёной водой из ведра, как Илайджа впивался зубами в губы, чтобы не закричать, и как по его вискам струился пот, смешанный с каплями летящей крови.

Она смотрела на отца.

Он наблюдал за этим с тем же выражением, с каким смотрел на счётные книги — с холодной, деловой концентрацией, без тени сочувствия или отвращения. Для него это было не наказание человека. Это была «процедура». Акт управления.

Она смотрела на рабов.

И в их опущенных глазах она видела не покорность — а леденящую душу ненависть. Ненависть к Эйбнеру. К отцу. И к ней — белой барышне, которая стояла на возвышении и для чьего «урока» всё это происходило.

Последний удар.

Кнут упал в последний раз. Тело Илайджи обмякло, его голова поникла. Палач отступил. Илайджу отвязали — он почти не держался на ногах, его вели двое других рабов, поддерживая под руки, и он оставлял за собой кровавый след на утопанной земле.

Толпу рабов молча распустили. Они расходились, не поднимая глаз, но воздух был пропитан их яростью, их страхом, их унижением.

Отец повернулся к Эмили.

В его взгляде читался немой вопрос: «Урок усвоен?»

Но урок, который она усвоила, был совсем другим.

Она поняла, что разговаривать с этой системой бесполезно. Её нельзя умолить. Её нельзя переубедить. Её можно только сломать.

Он повёл её обратно в дом, в её комнату. Дверь за ней закрылась — и снова щёлкнул замок.

Эмили осталась одна.

Она стояла посреди комнаты, глядя в стену. Слезы высохли. Грусть ушла. Мольбы умерли на той площади, рядом с каплями крови на утоптанной земле.

Внутри неё поднималась чёрная, всепоглощающая ярость.

Холодная. Тихая. Неумолимая.

Она опустила на колени у кровати, достала из-под половицы дневник и написала одно слово: «*Больше никогда*».

Затем закрыла дневник, задула свечу и легла в темноте, глядя в потолок.

Сегодня она была бессильна. Но завтра — когда-нибудь — она найдёт способ сломать эту систему.

Она поклялась в этом на крови Илайджи.

Глава 17. Новые оковы

Эмили снова вели в кабинет отца.

На этот раз атмосфера была иной. Не буря гнева, не крики, не слёзы — всё это осталось позади. Теперь здесь царило ледяное, безразличное спокойствие людей, которые уже приняли решение и не собирались ни обсуждать, ни объяснять.

Отец сидел за столом, его поза была расслабленной, но в этой расслабленности чувствовалась твёрдость стали. Полковник Хоторн стоял у камина, курил сигару и наблюдал. Они смотрели на Эмили не как на провинившуюся дочь — они смотрели на неё как на проблему, которую теперь предстояло решить системно.

— Твоё неподобающее поведение, дочь моя, — произнёс отец, и его голос был ровным, почти безжизненным, — и моя вина тоже. Я был слеп. Полагался на твою природную рассудительность и слишком баловал тебя. Позволял читать что попало, потакал твоим странным увлечениям. — Он сделал паузу. — С этим покончено.

Полковник Хоторн выпустил струйку дыма. Его голос, глубокий и спокойный, подхватил мысль брата:

— Мягкость — роскошь, которую наша новая нация больше не может себе позволить. Особенно в своих женщинах. — Он посмотрел на Эмили поверх своей сигары. — Идеальная чистота так же важна, как и чистота крови.

Отец кивнул, соглашаясь, и продолжил:

— Чтобы исправить это упущение, для тебя выписан специальный наставник. — Он выдержал паузу, давая словам вес. — Миссис Патисон, Елена Патисон. Одна из самых уважаемых матрон Чарльстона. Она посвятила свою жизнь воспитанию молодых леди Юга в духе верности нашим заветам и идеалам.

Сердце Эмили ухнуло куда-то вниз, в самую глубокую пропасть. Она поняла — это не учитель. Это тюремщик. Тюремщик для её разума.

Полковник усмехнулся, заметив её побледневшее лицо.

— Миссис Патисон обладает... уникальным талантом, — сказал он, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти неуловимая насмешка. — Она умеет находить и вычищать из юных умов всякую скверну и ложные идеи. Она приведёт твои мысли в порядок.

— Отказ не принимается, — добавил отец, подводя черту. — Ты будешь заниматься с ней с завтрашнего дня и до тех пор, пока она не сочтёт твоё воспитание завершённым. Все твои книги — конфискованы. Свободное время — отменено. Твои прогулки будут происходить только в её сопровождении.

Эмили молчала. Она стояла с опущенной головой, скрывая от них глаза. Скрывая огонь, который вспыхнул в них в ответ на этот приговор.

Они запрещали ей думать. Они будут диктовать ей, о чём думать. Её внутренний мир — единственное убежище, которое у неё оставалось, — теперь станет полем битвы с этой женщиной. С миссис Патисон.

Эмили подняла голову. Её лицо было спокойным, почти покорным. Она кивнула, принимая приговор.

— Я поняла, отец, — тихо сказала она.

В её голосе не было ни вызова, ни отчаяния. Была только маска. Идеальная, отточенная маска покорной дочери.

Но внутри неё, глубоко, в самом потаённом уголке души, уже разгорался новый огонь. Её бунт закончился. Начиналась партизанская война. И её оружием снова станет тишина.

И маска.

Глава 18. Маска послушания

Миссис Патисон оказалась не каргистой тюремщицей, какой Эмили её себе представляла. Это была утончённая, холодная женщина с глазами цвета стали и неизменной, вежливой улыбкой, застывшей на лице, как маска. Её методы были не в крике и угрозах — она не повышала голоса, не оскорбляла, не унижала. Вместо этого она использовала спокойное, неумолимое давление, изящную софистику и искусную подмену понятий.

Она пила чай маленькими глотками, сидя напротив Эмили в гостиной, и говорила мягким, почти ласковым голосом:

— Видите ли, дорогая Эмили, наш «особый институт» — это не просто вопрос экономики. Это бремя цивилизации. — Она отставила чашку и посмотрела на ученицу с лёгкой, снисходительной улыбкой. — Мы взяли этих людей из дикости и даём им шанс на спасение души через труд и послушание. Это наша христианская обязанность.

Эмили сидела с прямой спиной, руки сложены на коленях, взгляд ясный и внимательный. Она молча кивнула, изображая глубокую заинтересованность.

— А ваше мимолётное сочувствие, — продолжала миссис Патисон, — это, конечно, похвально для юного сердца. Но это чувство нужно направить в верное русло. Не потакать их лени, а направлять их на путь истинный. Строгость — величайшая форма милосердия.

— Я понимаю, миссис Патисон, — тихо, почтительным тоном ответила Эмили. — Я была неопытна и слепа.

Внутри неё всё кричало. Но она научилась. Научилась носить маску. Она стала актрисой в собственном доме.

Дни сменялись неделями. Эмили безупречно повторяла за наставницей все постулаты: о «бремени белого человека», о «естественном порядке вещей», о «патриархальной заботе» о рабах. Она цитировала их за ужином, обсуждала с отцом, и видела, как его лицо светлеет от гордости.

Он думал, что его дочь вернулась. Что она наконец поняла. Что из неё выйдет настоящая леди Юга.

Но по ночам Эмили по-прежнему доставала свой невидимый дневник — не из тайника, а из памяти. Она не писала его больше — она выучила его наизусть, каждое слово, каждую строчку. Она перебирала в уме каждую прочитанную когда-то крамольную мысль, каждое воспоминание о боли в глазах Сары, о кровавой спине Илайджи, о равнодушном взгляде отца.

Они могли контролировать её слова. Её поступки. Её время. Они могли заставить её молчать и кивать.

Но они не властны были над тишиной в её глазах.

И не властны были над непоколебимой твердыней протеста, что выросла в её душе. Её ярость, горячая и слепая, превратилась во что-то другое — холодную, безжалостную решимость.

Она ждала. Ждала своего часа.

Идея справедливости не была смыта. Не была забыта. Не была предана. Она была отполирована до остроты клинка, скрытого под складками шёлкового платья.

И однажды, когда никто не будет ждать, этот клинок выйдет из ножен.

Глава 19. Обед в золотой клетке

Полдень. Семейная столовая «Белого Тополя» была залита слепящим южным солнцем, которое проникало сквозь высокие окна и играло на полированной поверхности фамильного серебра. Хрустальные бокалы переливались всеми цветами радуги, а воздух был тяжёлым от запахов жареной дичи, дорогих специй и самодовольства.

Эмили сидела с идеально прямой спиной, складки её платья лежали безупречно, руки — на коленях, под столом. Она была образцом леди — сдержанной, воспитанной, послушной.

Рядом её брат Уильям поглощал еду с той небрежной жадностью, которая отличала людей, никогда не знавших голода. Напротив сидела мать — она медленно потягивала вино, её взгляд отсутствовал, устремлённый куда-то в окно, на плывущие мимо облака. Во главе стола восседал отец.

Царила тишина. Нарушаемая лишь звоном приборов и редкими репликами.

Отец прервал молчание первым.

— Ну, Эмили, — обратился он к ней, и в его голосе, хоть и звучали отголоски былой суровости, уже не было гнева. — Как продвигаются твои занятия с миссис Патисон?

Все взгляды обратились к Эмили. Она медленно отложила вилку, положила руки на колени и подняла на отца ясный, спокойный взгляд. Уголки её губ приподнялись в лёгкой, почтительной улыбке. Идеальной улыбке.

— Очень хорошо, отец, благодарю вас, — ответила она, и её голос был ровным, почти искренним. Она не спешила, выдерживала паузы, как учила миссис Патисон — признак воспитанной леди. — Миссис Патисон — мудрая женщина. Она открывает мне глаза на многие вещи, которые я прежде, по своей глупости, не понимала.

Отец кивнул. В его глазах загорелась искорка одобрения.

— И что же, к примеру, ты по-новому для себя увидела? — спросил он.

Эмили сделала вид, что задумывается, склонив голову к плечу.

— Мы изучали труды доктора Картрайта, — сказала она. — Его идею о «дисэстезии» — о том, что врождённая леньность негров является медицинским состоянием, требующим строгого контроля. — Она посмотрела на отца, вкладывая в глаза выражение просветлённой грусти. — Это объясняет так многое, отец. Раньше я видела лишь лень, а теперь понимаю, что это болезнь. И наш долг — быть для них лекарством, как бы сурово это ни выглядело со стороны.

Отец откинулся на спинку стула. На его лице было выражение глубокого, почти счастливого удовлетворения. Его дочь наконец поняла. Она вернулась.

— Вот видишь, сын? — обратился он к Уильяму. — Здравый смысл всегда восторжествует, если подойти к делу с умом и твердостью.

Уильям пожал плечами, не отрываясь от тарелки.

— Я всегда это знал, — буркнул он. — Не нуждался в гувернантке.

Мать медленно перевела взгляд с окна на Эмили. Её глаза, чуть затуманенные вином, встретились с дочерними всего на секунду. В них не было одобрения. Не было осуждения. Была лишь глубокая, усталая понимание.

Она видела игру дочери. И, возможно, восхищалась ею — как восхищаются мастерством тюремного актёра, который играет свою роль так безупречно, что даже стража начинает верить.

Эмили снова обратилась к отцу, закрепляя успех:

— Миссис Патисон также сказала, что сила Юга — в единстве его женщин. В нашей верности дому, семье и... установленному порядку. — Она опустила взгляд, изобразив скромную гордость. — Я хочу быть сильной, отец.

Отец улыбнулся. Широкой, редкой улыбкой. Он достиг того, чего хотел. Его дочь была усмирена, перевоспитана и вернулась в лоно семьи.

Эмили опустила взгляд к своей тарелке. Она улыбалась. Внутри неё была абсолютная, ледяная пустота.

Её ненависть была похоронена так глубоко, что даже она сама иногда сомневалась в её существовании. Но она была там. Холодный, твёрдый алмаз в её груди. И она шлифовала его каждым таким обедом — каждым правильным словом, каждой ложной улыбкой, каждым кивком в нужный момент.

Обед продолжался. Эмили молчала. Идеальная, послушная дочь.

Самая опасная женщина в поместье «Белый Тополь».

Глава 20. Прогулка под чужими взглядами

Отец, довольный «преображением» дочери, впервые за долгие недели разрешил Эмили прогулку в саду без сопровождения миссис Патисон.

— За хорошее поведение, — сказал он, и в его глазах светилась отцовская гордость. Он верил. Он наконец-то поверил, что его дочь вернулась.

Эмили вышла на улицу. Воздух, не отягощённый присутствием наставницы, казался сладким и горьким одновременно. Она вдохнула его полной грудью, и в этом вдохе было всё — и облегчение, и горечь, и невысказанная боль.

Она пошла по знакомой аллее, где каждый куст, каждый камень был известен ей с детства. Но всё вокруг ощущалось иначе. Будто она смотрела на этот мир через толстое, мутное стекло.

Мимо, согнувшись под тяжестью корзин с бельём, прошла группа рабынь. Три женщины, чьи лица Эмили знала с тех пор, как себя помнила. Раньше они опускали глаза и замирали, пропуская её — дочь хозяина, белую барышню.

Теперь они не остановились.

Они лишь слегка замедлили шаг, и их взгляды, скользнув по Эмили, тут же отводились. Но в этих взглядах не было прежней покорности. Не было даже страха. В них было тяжёлое, ледяное безразличие. Глухое, всепоглощающее презрение.

Эмили почувствовала, как эти взгляды обжигают её кожу, как оставляют на ней невидимые рубцы.

Дальше, на дорожке, она увидела старика, подметающего гравий. Он был здесь всегда — старый Томас, который когда-то учил её плести венки из полевых цветов, который украдкой улыбался ей, когда никто не видел.

Он поднял голову. Их взгляды встретились.

И в его глазах Эмили не увидела ничего. Пустота. Камень. Безразличие. Он отвернулся и продолжил свою работу с преувеличенным, почти вызывающим усердием.

Они не видели в ней больше ни капризную барышню, ни потенциальную союзницу. Они видели дочь хозяина. Ту самую, чьё «хорошее поведение» было куплено кровью Илайджи. Ту, которая стояла на возвышении и смотрела, как он истекает кровью.

Её молчаливое наблюдение за поркой стало для них окончательным приговором. Она была не с ними. Она была с ними — с палачами.

Эмили дошла до каменной скамьи в дальнем конце сада, села и уставилась на цветущие магнолии, делая вид, что любит их красотой. Руки в перчатках были сжаты в замок, костяшки побелели от напряжения.

Эта прогулка не стала освобождением. Она стала новой тюрьмой — стены которой были сложены из молчаливого осуждения тех, кому она хотела помочь.

Эмили поняла: отныне она не просто борется с системой. Она борется с последствиями этой борьбы в глазах тех, кто должен был бы видеть в ней надежду. Её маска идеальной дочери стоила ей гораздо большего, чем она предполагала. Она стоила ей их доверия.

И в этом молчаливом, всеобщем осуждении рождалась новая, более горькая и более одинокая решимость.

Она не могла вернуть их любовь. Но она могла сделать так, чтобы их страдания не были напрасны. Она поклялась себе в этом, глядя на белые лепестки магнолий, падающие на землю, как снег.

Глава 21. Чай с призраками

Салон «Белого Тополя» наполнился лёгким девичьим щебетом. Три подруги Эмили — такие же юные леди из лучших семей Джорджии — сидели за чайным столиком, утопая в оборках, кружевах и шёлке. Воздух был напоён ароматом дорогих духов, свежесваренного чая и беззаботной болтовни.

Отец разрешил этот визит. Это было высшей милостью, окончательным подтверждением её «исправления». Эмили сидела с прямой спиной, на лице застыла вежливая, приветливая улыбка.

Амелия, самая болтливая из троицы, хихикала, прикрывая рот веером.

— Эмили, дорогая, мы так переживали! — воскликнула она, подаваясь вперёд. — У нас тут ходили слухи, самые невероятные! Будто ты влюбилась в какого-то раба и бунтовала против собственного отца!

Сердце Эмили сжалось в ледяной комок. Но на лице не дрогнул ни один мускул. Она отставила фарфоровую чашку с изящным звоном и позволила себе лёгкую, снисходительную улыбку.

— Боже мой, Амелия, — произнесла она ровным, слегка насмешливым тоном. — До чего же могут дойти сплетни. Никакой романтики, уж поверь. Просто... юношеский порыв. Глупая попытка проявить несуществующую жалость. О которой теперь я и сама вспоминаю с сожалением.

Клара, более проникательная, наклонилась ближе. В её глазах горело любопытство.

— Но ведь был скандал? — спросила она, понижая голос. — Говорят, твоего отца пришлось призывать к порядку?

Эмили пожала плечами, как бы отмахиваясь от досадной мелочи.

— Отец просто показал мне, где проходит грань между истинной добродетелью и... сентиментальной слабостью, — сказала она. — Это был суровый урок, но необходимый. Теперь я всё вижу в истинном свете.

Она говорила общими, заученными фразами, которые от неё ждали. Не защищала систему с жаром — просто констатировала её необходимость, как таблицу умножения. Эта показная усталость от «глупых прошлых ошибок» звучала убедительнее любой горячей защиты.

Амелия вздохнула с облегчением.

— Ну и прекрасно! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — А то мы уж думали, ты и впрямь заразилась этими северными бреднями.

Эмили улыбнулась — легко, непринуждённо.

— Северные бредни не выдержат и дня под нашим солнцем, — сказала она. — У нас с ними разная почва. В прямом и переносном смысле.

Все рассмеялись. Эмили присоединилась к ним, и её смех был лёгким, серебристым, абсолютно естественным. Она лгала им в лицо. И делала это безупречно.

Она плела свою маску из шёлковых ниток светской беседы и девичьих хихиканий.

Когда подруги уехали, и тяжёлая дубовая дверь закрылась за ними, Эмили осталась одна. Она стояла посреди пустого салона и смотрела на остывшие чайные чашки, на недоеденные пирожные, на забытый кем-то кружевной платочек.

Кисловатый привкус лжи остался на губах.

Эти девушки были частью того мира, который она ненавидела. Их невинные сплетни, их наивные страхи, их пустые разговоры — всё это было эхом той самой системы, которая сломала спину Илайдже, которая вытравила душу из Сары, которая превратила её собственную мать в тень.

И, улыбаясь им, Эмили в очередной раз предала и их, и себя.

Но это не вызвало в ней угрызений совести. Не было ни боли, ни стыда. Была лишь холодная, ледяная уверенность.

Чтобы сразить чудовище, нужно сначала заставить его поверить, что ты — его часть.

Она была готова играть эту роль до конца.

Глава 22. Зимние думы у камина

Поздняя осень окрасила листву «Белого Тополя» в багрянец и золото, а затем опалила её первыми заморозками. Наступила зима. Холодный ветер гудел в щелях старого дома, и его завывание звучало как отголосок того холода, что поселился в душе Эмили.

Она сидела у камина в своей комнате, глядя на пляшущие языки пламени. Внешне она была образцом спокойствия — прямая спина, скрещённые на коленях руки, бесстрастное лицо. Но внутри неё кипел вулкан.

Мысль, которую она долго гнала от себя, наконец оформилась в чёткое, неумолимое решение.

«Это не может так продолжаться. Никогда».

Маска, молчание, ожидание — всё это было подготовкой. Но пора было действовать. Одна она ничего не сможет. Нужны союзники. Но где их найти?

Революция? Немыслимо. Одинокий бунт — это самоубийство, которое никому не поможет.

Побег? Бежать одной? Оставить всех здесь, в аду, который она поклялась уничтожить? Нет.

Пламя в камине трещало, и его отблеск рисовал на стенах танцующие тени. И в этих тенях Эмили видела ответы. Призрачные, опасные, но единственно возможные.

Союзники среди врагов.

Её дядя-полковник говорил о «подпольной дороге». Если она уцелела после победы Юга, значит, есть люди. Сети. Возможно, они есть даже здесь, в Джорджии. Это была её главная цель — найти их след. Но как? Через Сару? Через других слуг, которые, возможно, видят больше, чем она? Это смертельный риск для всех участников.

Союзники в безразличии.

Её мать. Она не разделяла идеалов Эмили, но она ненавидела этот строй по-своему. Её цинизм и отстранённость можно было использовать. Она могла стать её «прикрытием», источником информации о планах отца и дяди, не задавая лишних вопросов.

Союзники в молчании.

Илайджа. После порки он стал призраком. Но Эмили видела твердость в его глазах. Его молчание было не покорностью, а силой. Если «Подпольная дорога» существовала, он или его семья могли быть с ней связаны. Но как установить контакт, не подставив его снова?

Оружие в знаниях.

Её учёность. Она изучала химию, карты, историю. Это были не просто абстракции. Это были инструменты. Можно создавать невидимые чернила для секретных писем. Можно изучать карты, чтобы планировать маршруты. Можно притворяться, что углубляешься в «идеологию», а на самом деле искать в книгах по истории примеры успешных сопротивлений.

Эмили встала и подошла к заиндевевшему окну. Поместье спало под холодным зимним небом. Каждый огонёк в окнах кварталов, каждое тёмное окно большого дома — всё это было частью системы, которую нужно разобрать по кирпичику.

Её путь — не громкий бунт. Это тихая, методичная диверсия. Саботаж изнутри. Её битва будет состоять не из сражений, а из украденных ключей, перехваченных писем, переданных вестей и спасённых по одному жизней.

Первый шаг — найти того, кто уже сражается. И начать нужно с самого опасного места — снова войти в доверие к рабам, но не как к объекту жалости, а как к потенциальным соратникам.

Начать с малого.

С одного человека.

Эмили посмотрела на календарь на стене. Завтра. С нового дня она начнёт свою настоящую войну.

Она подошла к камину, бросила в огонь исписанный лист бумаги, где были набросаны её мысли, и смотрела, как пламя пожирает слова, превращая их в пепел.

Никто не должен знать. Никто.

Но она знала. И этого было достаточно.

Глава 23. Новый инструмент и стальная решимость

Прошлое осталось за порогом.

Отец, удовлетворённый внешним перерождением дочери, перестал быть её тюремщиком. Его взгляд теперь скользил по Эмили с одобрением, когда она собиралась в школу, когда садилась за обеденный стол, когда обсуждала с миссис Патисон очередную философскую доктрину.

Эта свобода была её главным козырем.

А затем в доме появилась новая служанка.

Её звали Лидия. Молодая, испуганная, с большими глазами, в которых читался немой, невысказанный вопрос: «Что ждёт меня в этом доме?». Она не знала истории Эмили — ни о восстании, ни о порке, ни о тайных встречах. Для неё Эмили была просто юной хозяйкой.

Это было преимуществом.

Эмили разработала план. Безупречный. Никаких прямых вопросов, никаких намёков, которые могли бы быть истолкованы превратно.

Этап первый: Установление контроля и доверия.

Она будет образцовой, но строгой юной леди. Никакой неуместной доброты, которая могла бы насторожить Лидию. Никаких лишних улыбок, никаких фамильярностей. Но она будет справедливой.

Если Лидия хорошо выполнит работу — холодный кивок: «Хорошо». Если ошибётся — спокойное, но твёрдое замечание. Дистанция, но не жестокость. Лидия должна видеть в ней предсказуемую, властную, но не садистскую фигуру.

Этап второй: Наблюдение и анализ.

Эмили будет изучать новую служанку. Как она реагирует на окрики Эйбнера? Как общается с другими рабами? Есть ли в её глазах лишь страх — или в них можно разглядеть искру иного? Сообразительности? Скрытности?

Выслушивает ли она сплетни в людской? Передаёт ли их дальше? Эта информация была бесценна.

Этап третий: Испытание на прочность.

Через пару недель, когда Лидия привыкнет к ней, Эмили устроит небольшую проверку.

Она «забудет» на туалетном столике брошь — не самую ценную, но достаточно заметную. Вернётся в комнату через час и спросит, холодно и прямо:

— Лидия, ты не видела мою брошь? Я, кажется, оставила её здесь.

Если Лидия сразу вернёт украшение, не пытаясь присвоить — это плюс к её честности. Если начнёт нервничать, запинаться, врать — значит, она не уверена в себе, боится наказания и, возможно, не готова к большему.

Эмили нужна была первая.

Этап четвёртый: Точечный, замаскированный удар.

Если Лидия пройдёт проверку, можно будет действовать дальше.

Однажды, когда она будет помогать Эмили одеваться перед школой, Эмили, глядя на своё отражение в зеркале, бросит как бы невзначай, нейтральным, задумчивым тоном:

— Когда поедешь в город за моими лентами, будь осторожна у почтовой конторы. Там в последнее время полиция задерживает всех подряд. Говорят, ищут кого-то... распространяющего листовки.

Она не смотрит на Лидию. Она просто констатирует факт.

И наблюдает.

Замерла ли та? Участилось ли её дыхание? Проявила ли она хоть малейший интерес к этой «опасности»? Или лишь испуганно кивнула, не понимая сути?

Любая реакция, выходящая за рамки простого страха, будет информацией. Возможно, Лидия ничего не знает. Но возможно, эта фраза станет крючком, который зацепит что-то в её памяти или связях.

Эмили больше не была наивной бунтаркой.

Её школа теперь была не просто прикрытием — дорога туда и обратно, городские слухи, которые она могла подслушать в лавках и на улицах, — всё это стало частью её разведки.

Она не просто искала союзников. Она вербовала агентов.

Медленно. Осторожно. Без единого лишнего слова.

Её оружием были не крики и протесты. Её оружием была тонкая игра на нервах, холодное наблюдение и железное, непоколебимое самообладание.

Эмили превращалась в дирижёра тихого оркестра сопротивления, где каждая нота, каждое движение могли стоить жизни.

И она была готова к этой партитуре.

Глава 24. Лето тихого сопротивления

Лето 1852 года раскалило поля Джорджии до зноя, сравнимого лишь с огнём, что горел в душе Эмили. Прошли месяцы. Месяцы внешнего спокойствия и внутренней, напряжённой, почти нечеловеческой работы.

Лидия.

Новая служанка прошла проверку. Эмили не стала посвящать её в свои планы — это было бы слишком опасно, слишком рано. Но она превратила Лидию в источник информации. Она научилась задавать вопросы в форме приказов или небрежных светских наблюдений.

— Лидия, в городе говорят, будто на севере штата снова поймали беглецов, — сказала она однажды, поправляя перчатки. — Какая глупость. Когда поедешь на рынок, не слушай болтовню уличных торговцев.

И она заметила, как глаза Лидии на мгновение стали острее. Всего на мгновение. Но этого было достаточно.

Однажды Эмили «пожаловалась» отцу при Лидии, что миссис Патисон требует от неё составить генеалогическое древо всех слуг поместья — «для лучшего понимания их природы». Отец одобрил.

Теперь у неё был предлог спрашивать Лидию о её прошлом, о том, откуда она, кто были её прежние хозяева. Лидия, осторожничая, сообщала обрывки, крупницы информации. Но Эмили запоминала всё: названия плантаций, имена, даты.

Знания — сила.

Эмили использовала учёбу. Её «идеологические» эссе для миссис Патисон были полны столь занудных и пространных рассуждений, что наставница лишь кивала, удовлетворённая, и не вникала в детали.

А в это время Эмили:

— Изучала карты местности. Не как дочь плантатора, интересующаяся границами своих владений, а как потенциальный проводник, запоминающий каждую тропу, каждый ручей, каждый заброшенный амбар.

— Освоила создание простейших симпатических чернил из лимонного сока и молока. Её безобидные письма подругам теперь содержали секретные вкрапления, видимые лишь при нагревании.

— Под предлогом «изучения почв» получила доступ к отцовским старым газетам. Она выискивала заметки о пожарах, кражах, «несчастных случаях» на других плантациях — возможных актах саботажа. Деталь за деталью, факт за фактом, она составляла картину.

Наблюдение.

Эмили стала тенью. Она знала расписание патрулей Эйбнера — когда он объезжает поля, когда обедает, когда возвращается в контору. Она знала, в какие дни возчики вывозили хлопок в город и кто из них был менее придирчив к попутчикам.

Она заметила, что старый кучер Исаяя иногда исчезал в сторону восточной ограды после заката. Исчезал и возвращался через час, без лошади, с пустыми руками.

Собранная информация. Пазл складывался.

От Лидии Эмили узнала, что её прежний хозяин, мистер Эштон, был убит «грабителями» два года назад. Но в шепотках, которые доходили до неё, говорили иное: мистер Эштон был известен особой жестокостью, а в ночь его смерти сгорела конюшня с его любимыми скакунами.

Слишком много совпадений.

От Сары, которая до сих пор боялась Эмили, но уже не отводила взгляд с прежней ненавистью, она уловила обрывок фразы, сказанной другой служанке:

— ...молчи. Птица улетела, но гнездо ещё здесь.

Это были не случайные слова. Это был пароль.

А однажды, проезжая мимо дальнего поля, Эмили увидела, как Илайджа, работая у старого дуба, незаметно для других оставил грудку камней — странную, неестественную пирамидку. Знак.

Вывод.

Соппротивление было живо. Оно было здесь, в «Белом Тополе». Оно использовало знаки, пароли, тайные тропы и действовало методично, терпеливо, веками.

Эмили была близка. Очень близка к тому, чтобы найти их.

Но это был самый опасный момент. Одна ошибка, один неверный шаг, одно неверное истолкование знака — и всё рухнет. Она не могла торопиться. Она должна была ждать. Ждать своего шанса быть замеченной ими.

Или создать ситуацию, в которой они будут вынуждены раскрыть себя.

Лето было в разгаре. Воздух стоял густой и сладкий, пропитанный запахом цветущих магнолий и зреющего хлопка.

И в этой сладости скрывался горький привкус приближающейся бури.

Эмили смотрела в окно на залитые солнцем поля и чувствовала — перемены близко.

Они уже дышали ей в затылок.

Глава 25. Операция «Белая лилия»

Фаза 1. Подготовка

Восемнадцать дней. Эмили стала призраком в собственном доме. Её поведение было учебником по манипуляции — каждая деталь, каждый взгляд, каждое движение были выверены и отточены.

При виде Эйбнера она не просто отводила взгляд. Она слегка замирала — на секунду, не больше — как кролик перед змеей, прежде чем быстро ретироваться. Она довела искусство показной уязвимости до совершенства.

Её мать, Кларисса Картер, стала ключевым звеном.

За три недели, за чашкой чая в её будуаре, Эмили обронила шесть тщательно продуманных фраз:

— Мне так не по себе, когда он смотрит на мои руки...

— Он сегодня стоял так, что я не могла пройти в библиотеку, не коснувшись его рукава.

Мне пришлось вернуться.

— Кажется, он знает мой распорядок дня лучше меня... Это пугает.

Она не жаловалась. Она делилась тревогой. И это сработало.

Эмили видела, как в глазах матери, обычно пустых и безразличных, загоралась искра чего-то нового — материнской, почти звериной защиты. Кларисса начала замечать Эйбнера сама.

Однажды она окликнула его:

— Эйбнер, не вам ли заниматься на северных полях в это время? — когда он стоял недалеко от обычного маршрута Эмили.

Семя проросло.

Фаза 2. Провокация

День X наступил через три недели.

Вечер опустился на «Белый Тополь» густой, ароматной темнотой. Воздух был напоён запахом жасмина и ночной свежести. Эмили знала — мать будет на западной террасе, где после захода солнца всегда было прохладно. Она знала — Эйбнер в это время делает обход у конюшен, и его путь лежит мимо розария.

Она вышла в сад с маленьким сборником стихов в руках.

Выбрала позицию — вполоборота к террасе, на виду. Затем позволила книге выскользнуть из пальцев. Не просто уронила — сделала это с естественным, нервным движением.

Как и ожидалось, Эйбнер появился.

Он увидел книгу. Увидел её. На его лице застыла привычная, самодовольная ухмылка. Он наклонился, чтобы поднять.

Момент истины.

Эмили не просто отшатнулась. Она вжала плечи, её глаза расширились от чистого, немого ужаса. Она подняла руки, как щит, закрываясь от него.

Её голос был не криком — сдавленным, полным настоящей паники шёпотом, который, однако, был достаточно громким, чтобы мать на террасе могла услышать:

— Не подходите! Умоляю вас! Оставьте меня в покое!

Она не дала ему возможности ответить. Развернулась и почти побежала к дому, чувствуя на спине его ошеломлённый, налитый кровью взгляд.

Она не оглядывалась.

Расчёт был безупречен.

Фаза 3. Удар

Эмили не пошла к отцу.

Она пошла к матери на террасу. Её тело всё ещё дрожало мелкой дрожью — настоящей или искусственной, она уже и сама не различала.

Она подошла к Клариссе, глядя на неё широко раскрытыми глазами, в которых стояли слёзы.

— Мама... — голос дрожал, срывался. — Он... он сказал... «Не бойся меня, девочка»...

Она бросилась в объятия матери, пряча лицо у неё на плече. И позволила себе заплакать — тихо, безнадежно, сотрясаясь от беззвучных рыданий.

Она только что дала матери самое мощное оружие — услышанную собственными ушами фразу и дочь в состоянии шока.

Кларисса Картер, чей голос обычно был ленив и безразличен, подняла голову, и в нём зазвучала сталь:

— Роберт, — позвала она, и её голос резал воздух. — Иди сюда. Немедленно.

Отец спустился вниз.

Он увидел жену с каменным лицом. Увидел дочь, бледную, заплаканную, дрожащую.

— Роберт, — мать смотрела ему прямо в глаза. — С этим скотом покончено. Сейчас же. Он только что назвал твою дочь «девчонкой» и прижал в розарии. Я сама это видела. Я слышала.

Отец посмотрел на Эмили. Посмотрел на жену, которая впервые за долгие годы проявляла такую твёрдость.

Ему не нужны были другие доказательства.

Доверие к надсмотрщику против слова жены и дочери? Это не был выбор.

Фаза 4. Зачистка

Эйбнера вызвали в кабинет.

Он начал кричать — о ловушке, о заговоре, о том, что он всего лишь поднял книгу, упавшую из рук барышни.

Отец слушал молча. С каменным лицом. Затем произнёс — не повышая голоса, но с такой ледяной ненавистью, что у Эмили, стоявшей за дверью, по спине побежали мурашки:

— Вы только что оскорбили честь моей дочери и моей семьи. Ваше присутствие здесь оскверняет мою землю.

Он сделал паузу.

— У вас есть час, чтобы собрать вещи и убраться. Если я увижу вас в пределах видимости этого поместья после заката, я прикажу своим людям закопать вас в том рву, который вы сами для них копали.

Никаких споров. Никаких выплат. Только изгнание.

Эйбнер побледнел. Его лицо стало серым. Он смотрел на отца, на мать, затем перевёл взгляд на Эмили, стоявшую в дверях.

В его глазах не было злобы. Был животный, леденящий душу страх.

Он проиграл.

Эпилог

На следующее утро Эйбнер исчез.

В поместье воцарилась странная, напряжённая тишина. Рабы, узнав новость, не проявляли радости. Они смотрели на Эмили с новым, незнакомым выражением — не с благодарностью, а с глубочайшим, почти суеверным любопытством.

Они видели, как дочь хозяина уничтожила надсмотрщика одним движением ресниц.

Она стала для них загадкой. И, возможно, источником новой, неизведанной опасности.

Эмили стояла у того же окна в своей комнате.

Эйбнер был побеждён. Дорога была свободна.

Но цена... цена была известна только ей.

Она переступила черту, используя самое грязное оружие — ложь. Она играла на самых низменных инстинктах общества, которое ненавидела.

Победа отдавала горечью.

Но это была победа.

И теперь ничто не мешало ей приступить к своей истинной миссии.

Война продолжалась.

Глава 26. Эпилог и новая надежда

Исчезновение Эйбнера стало для поместья глотком свежего воздуха после долгого удушья. Люди вздохнули свободнее — и рабы, и даже некоторые из белых слуг, которым надоела его свирепость. Но в воздухе всё ещё витал страх: а что, если на его место придёт такой же — или, того хуже, ещё более жестокий управитель?

Но судьба, казалось, сделала Эмили подарок.

Новым помощником надсмотрщика стал Джексон — молодой парень, лет двадцати, с открытым, ещё не ожесточённым лицом и неуверенными движениями. Он был сыном управляющего с соседней плантации, отправленным к отцу Эмили «набраться опыта».

В первые дни она наблюдала за ним из окна.

Он не кричал. Он отдавал приказы неуверенно, оглядываясь на старших рабов, словно проверяя, правильно ли он делает. И, что самое важное, он не носил с собой кнут.

Случайная встреча в саду

Эмили «случайно» пересеклась с ним у конюшен, когда он пытался разобраться с запутанной сбруей. Лошадь нетерпеливо перебирала копытами, а Джексон, краснея от неловкости, боролся с ремнями.

— Новый управитель? — спросила Эмили, подходя. Её голос был нейтрален, но в нём не было и тени высокомерия. — Надеюсь, вы понимаете, что в «Белом Тополе» ценят порядок, а не грубость. Мой отец не терпит бессмысленной жестокости.

Джексон обернулся, смущённо снял шляпу и прижал её к груди.

— О, конечно, мисс Картер! — воскликнул он, и в его голосе звучало искреннее желание угодить. — Я... я здесь, чтобы учиться эффективному управлению. Мистер Эштон, мой отец, всегда говорил, что здоровый и сытый работник работает лучше озлобленного.

Эмили заметила — в его словах не было ни капли сочувствия к рабам. Была лишь простая, практическая расчётливость. Но именно это было ей на руку. С ним можно было говорить на языке выгоды, а не морали.

План «Рациональный управляющий»

Новая стратегия Эмили обретала форму.

Легальное влияние.

Теперь она могла напрямую, не вызывая подозрений, влиять на решения. Однажды за обедом, в присутствии Джексона, она сказала отцу:

— Отец, я читала, что дополнительная порция кукурузы в холодные дни снижает заболеваемость среди рабочих. Это может сохранить нам деньги на лекарствах.

Отец кивнул, соглашаясь. А Джексон, стремящийся угодить хозяину, тут же взял это на заметку. На следующее утро порции были увеличены.

Создание долга.

Эмили делала Джексону маленькие «одолжения» — каждое из которых укрепляло его зависимость от неё.

Однажды она подсказала ему, какую именно упряжь предпочитает её отец, избавив его от возможного гнева. Другой раз «случайно» упомянула за обедом, что «мистер Джексон очень старается наладить работу на дальних полях». Отец одобрительно кивнул.

Джексон был благодарен. А благодарность, как знала Эмили, была лучшей валютой.

Проверка на прочность.

Через несколько недель она решилась на небольшой тест.

Она увидела, как Джексон занёс руку, чтобы ударить молодого раба за оплошность — тот рассыпал мешок с зерном. Эмили подошла и спокойно, без тени осуждения, сказала:

— Мистер Джексон, этот мальчик — лучший ученик нашего старого кузнеца. Сломаете ему дух сейчас — и через год нам некому будет подковывать лошадей. Не лучше ли дать ему дополнительную работу в кузнице в наказание? Чтобы урок пошёл впрок.

Джексон замешкался. Его рука опустилась. Он посмотрел на мальчика, потом на Эмили, потом снова на мальчика.

— Рационально, мисс Картер, — наконец сказал он. — Спасибо.

Мальчика отправили в кузницу. Наказание не было отменено — но оно было заменено на менее жестокое.

Джексон не был союзником Эмили. Он был прагматичным карьеристом, желавшим выслужиться перед хозяином и сделать карьеру.

Но именно его прагматизм стал самым мощным её оружием. Она больше не должна была бороться с садизмом Эйбнера. Теперь она могла направлять безразличие Джексона в нужное ей русло, прикрываясь языком прибыли, эффективности и рационального управления.

Дорога была расчищена.

Ирония судьбы была в том, что, уничтожив одного человека грязной ложью, Эмили открыла путь для куда более чистой и эффективной стратегии.

Её тихая революция могла начаться по-настоящему.

Глава 27. План «Серый Кардинал»

Победа над Эйбнером подарила Эмили не только свободу, но и новый, куда более ценный актив — репутацию.

В глазах отца она стала благоразумной дочерью, усвоившей суровые уроки. В глазах матери — жертвой, над которой теперь нужно было бдительнее стоять. В глазах нового управителя, Джексона, — юной леди, чьего расположения стоило добиваться.

Но Эмили не собиралась его соблазнять. Она сделает нечто более мощное — она станет для него источником одобрения и ключом к успеху.

Фаза 1. Установление авторитета

Первые две-три недели Эмили вела себя с Джексоном чуть снисходительно — как старшая сестра, дающая советы мудрому, но неопытному младшему брату.

Первое взаимодействие.

Она нашла его за изучением карт полей — он склонился над столом, водил пальцем по линиям, хмурился, пытаясь запомнить расположение участков.

— Мистер Джексон, — сказала Эмили, подходя ближе. — Я вижу, вы изучаете наши владения. Если позволите, совет — начинайте с северного участка. Почва там капризная, но отец всегда уделял ей особое внимание. Он ценит, когда видят детали.

Она не помогала ему. Она помогала ему понравиться отцу. Это сразу ставило их отношения на прагматичную основу.

Джексон благодарно кивнул:

— Благодарю вас, мисс Картер. Я последую вашему совету.

Подкрепление.

Через несколько дней, за завтраком, Эмили сказала отцу:

— Кажется, новый управитель, Джексон, человек старательный. Видела, как он вникает в карты северных полей. Похвально.

Отец кивнул, одобрительно хмыкнул и позже, когда Джексон отчитывался о работе, похвалил его за усердие.

Для молодого человека это стало знаком: благосклонность мисс Картер равняется благосклонности хозяина.

Фаза 2. Становление стратегическим активом

Следующие месяцы Эмили начала использовать амбиции Джексона, чтобы мягко менять порядки в поместье.

Эксперимент.

Она предложила ему «инновацию»:

— Мистер Джексон, я читала об одном агрономическом методе... — начала она как-то утром, встретив его на крыльце. — Если давать работникам на дальних полях пятнадцать минут отдыха в тени в полдень, их производительность к вечеру не падает, а растёт. Это могло бы стать вашим первым успешным нововведением. Отец ценит эффективность.

Джексон согласился — он видел в этом свой шанс выделиться, проявить инициативу. Рабы получили передышку. Все были довольны.

Создание зависимости.

Эмили стала для него «советником».

Однажды он пришёл к ней растерянный:

— Мисс Картер, несколько рабочих на кузнечном дворе жалуются на кашель. Я не знаю... может, наказать их за симуляцию?

Эмили покачала головой.

— Практичнее будет переместить их на неделю на свежий воздух, на прополку. И распорядитесь выдать им двойную порцию жира. — Она посмотрела на него внимательно. — Большой работник — это убыток. А здоровый — это ваша заслуга.

Она снова свела всё к языку выгоды и его личному успеху. Джексон последовал её совету, и результаты не заставили себя ждать. Рабочие поправились, работа в кузнице встала налаженным ритмом.

Его доверие к мнению Эмили стало абсолютным.

Фаза 3. Внедрение в систему

Теперь Эмили могла действовать почти открыто.

Прямые «просьбы».

Она говорила с Джексоном как партнёр — доверительно, по-деловому, без лишних сантиментов.

— Джексон, — сказала она однажды, когда они остались вдвоём в кабинете управляющего. — Семья плотника Тома. Их маленькая девочка. Я не хочу, чтобы она заболела — и мы потеряли лучшего плотника в округе. Распорядитесь, чтобы им поставили новую печь в хижину. Спишите это как необходимый ремонт.

Он не видел в этом милосердия. Он видел «заботу о ценных кадрах».

— Разумно, мисс Картер, — кивнул он и отдал распоряжение.

Истинная власть.

Джексон стал её инструментом.

Эмили могла смягчать наказания, улучшать условия, перераспределять ресурсы — и всё это под благовидным предлогом повышения эффективности поместья. Её отец лишь поражался рациональности дочери и деловой хватке нового управителя.

— Удивительно, — сказал он однажды за ужином, — как этот молодой человек быстро вошёл в курс дела. Толковый мальчик.

Эмили улыбнулась и ничего не ответила.

Итог

Эмили не сломала волю Джексона. Она приручила его амбиции.

Она не стала его возлюбленной — она стала его покровительницей и стратегом. Эта связь была прочнее и безопаснее любой влюблённости. Он защищал её интересы, потому что они стали неотделимы от его собственных.

Эйбнер был препятствием, которое она уничтожила. Джексон — это механизм, который она взяла под свой контроль.

Её тихая война за справедливость теперь велась не с помощью единичных диверсий, а через методичное, стратегическое реформирование самой системы изнутри.

И всё это — без единого поцелуя, лишь силой холодного ума и тонкой лести.

Эмили стала Серым Кардиналом «Белого Тополя».

И это было лишь начало.

Глава 28. Приглашение в тень

Прошёл ещё один месяц.

«Сотрудничество» Эмили с Джексоном стало гладким и эффективным. Условия для рабов на плантации, под неизменным предлогом повышения эффективности, стали мягче. Люди замечали это — и те, кто работал в полях, и те, кто прислуживал в доме. Но никто не говорил об этом вслух.

И вот в один из дней, когда Эмили «проверяла» новые саженцы на краю сада, к ней быстрыми, бесшумными шагами подошёл Илайджа.

Она не видела его так близко с момента порки. Его спина давно зажила, но в глазах осталась та же стальная твердость — выжженная, нестигаемая. Он сделал вид, что поправляет покосившийся забор, и его слова донеслись до неё тихим, но чётким шёпотом — без обращений, без церемоний, без лишних слов.

— Если тебе интересно, — сказал он, даже не взглянув на неё, — жди в полночь у старой мельницы. Смотри, чтобы за тобой не было хвоста.

Он не дал ей возможности ответить. Не оглядываясь, он скрылся за поворотом тропы, будто его и не было. Только кусты качнулись на ветру.

Анализ

Эмили вернулась в свою комнату. Сердце колотилось где-то в горле, но разум работал холодно и чётко.

Место. Старая мельница. Идеально. Она находилась на отшибе, далеко от главных построек, окружённая лесом и шумом ручья. Любой звук там будет заглушён.

Время. Полночь. Классическое, почти театральное время для тайных встреч. Они выбрали его не случайно.

Фраза «если тебе интересно». Это не просьба о помощи. Это проверка. Они наблюдали за ней всё это время — за её действиями, за её связью с Джексонном, за тем, как она избавилась от Эйбнера. И теперь они предлагали ей пройти испытание.

«Смотри, чтобы за тобой не было хвоста». Первая и самая важная инструкция. Они проверяли её осторожность, её способность к конспирации. Если она приведёт за собой Джексона — даже из лучших побуждений, даже невольно — или если её заметит кто-то другой... всё будет кончено. Возможно, навсегда.

План действий

Эмили продумала всё до мелочей.

Подготовка. Вечером она вела себя как обычно. Никаких тревожных признаков, никаких лишних взглядов. Она легла спать в своё обычное время, погасила свечу и лежала в темноте, считая удары собственного сердца.

Побег. Дождавшись, когда дом затих, она бесшумно поднялась. Одевалась в самое тёмное, простое платье — без кринолина, без лишних лент, ничего, что могло бы зацепиться за ветку или зашуршать в тишине.

Она выскользнула не через парадный выход — слишком рискованно. Потайная дверь в библиотеке, которую когда-то показывала ей старая экономка, вела в боковую аллею. Эмили надеялась, что о ней никто не знал.

Маршрут. Она не пошла напрямую. Сделала крюк через яблоневый сад, замирая в тени при каждом шорохе, при каждом случайном звуке. Прислушивалась — не следит ли кто за ней, не идёт ли следом. Это заняло больше времени, но так было нужно.

Встреча. Эмили подошла к мельнице с подветренной стороны, используя старые деревья как укрытие. Не вышла на открытое пространство сразу. Выждала несколько минут. Всмотривалась в темноту. Вслушивалась в шум воды.

Ожидание

Эмили знала — скорее всего, это будет не Илайджа. Слишком рискованно для ключевой фигуры на раннем этапе. Возможно, это будет кто-то другой — человек, чьё лицо она не узнает, чей голос не запомнит.

Ей зададут вопросы. Не о её чувствах — о её действиях.

«Зачем ты убрала Эйбнера?»

«Чего ты хочешь добиться?»

«Готова ли ты рисковать?»

А затем ей дадут первое, крошечное задание. Не спасение людей — пока нет. Что-то простое. Передача информации. Транспортировка предмета.

Своеобразный вступительный экзамен.

Риск

Риски были колоссальны.

Если это ловушка — маловероятно, но возможно — её ждёт судьба страшнее, чем у Эйбнера. Суд над предательницей. Позор. Казнь.

Если она провалит проверку — если её заметят, если кто-то пойдёт за ней — дверь закроется. И больше никогда не откроется.

Но если она пройдёт...

Она перестанет быть одинокой заговорщицей. Она станет частью чего-то большего. Винтиком в тайной машине свободы.

Эмили глубоко вздохнула и сделала шаг в темноту.

Полночь была близка.

Глава 29. Посвящение у старой мельницы

Ночь была безлунной. Старая мельница стояла на фоне чуть более светлого неба — тёмный, покосившийся силуэт, похожий на огромный сгнивший зуб. Эмили замерла в её тени, каждое нервное окончание было насторожено.

Царила тишина. Только шёпот ручья и бешеный стук её собственного сердца нарушали безмолвие.

И тогда из мрака, бесшумно, как тень, отделилась фигура.

Эмили не успела даже вздрогнуть. Он был прямо перед ней.

— Пойдём, — произнёс незнакомец. Его голос был низким, лишённым эмоций, почти шёпотом. — Тихо.

Это был не Илайджа. Этот человек был выше, шире в плечах. Эмили не видела его лица — лишь смутный силуэт на фоне чуть более светлого неба. Инстинкты кричали об опасности, но она подавила панику.

Это был тот самый риск, на который она согласилась.

Она кивнула — не в силах вымолвить и слова — и последовала за ним. Незнакомец вёл её не по тропе, а через самую чащу, где ветки хлестали по платью, цеплялись за волосы, царапали руки. Он двигался с поразительной уверенностью — словно каждое дерево, каждый куст были ему старыми знакомыми.

Через несколько минут он остановился у заросшего склона, отодвинул ветви плакучей ивы, скрывавшие вход в землю, и жестом велел спускаться.

Это был неглубокий погреб — давно заброшенный, затянутый паутиной, пахнувший сыростью и землёй. Внутри, при свете единственной коптилки, сидели двое.

Илайджа.

И пожилая женщина.

Её лицо, испещрённое глубокими морщинами, хранило бездну спокойной, древней силы. В глазах читалась мудрость, добытая годами страданий и выживания. Это была Марта — пови-

туха, лечившая травами, умевшая принимать роды и заговаривать боль. И, как догадалась Эмили, нечто гораздо большее.

Илайджа смотрел на неё оценивающе. Марта — изучающе, пронзительно, как заглядывая в самую душу.

— Ты убрала Эйбнера, — сказала Марта. Её голос был тихим, но он заполнил собой всё пространство подземелья, заставив стены сжаться. — Говори. Зачем? Не про чувства. Про дело.

Эмили поняла — любая ложь, любая высокопарность, любое пустое слово здесь будут смертельны. Она говорила прямо, глядя Марте в глаза. Голос чуть дрожал — но не от страха, а от давно копившегося, вырывающегося наружу напряжения.

— Он мешал, — сказала Эмили. — Он был жесток и слеп. Его жестокость была неконтролируемой. А мне нужен... порядок. Чтобы помогать, не привлекая внимания.

— Помогать? — переспросила Марта, и в её голосе скользнула тень усмешки. — Или успокаивать свою совесть, дочка хозяина?

Эмили выпрямилась. Её голос окреп.

— Моя совесть не успокоится, пока здесь есть рабы. Я хочу не успокоения. Я хочу их свободы. Вашей свободы. — Она посмотрела Марте прямо в глаза. — Я могу быть вашими глазами и ушами в большом доме. Я могу менять приказы. Я уже это делаю.

Она коротко рассказала о своей тактике с Джексонном — как она направляет его, как говорит с ним на языке выгоды и эффективности, как понемногу, шаг за шагом, смягчает условия для рабов.

Илайджа слушал, не меняясь в лице. Но Эмили видела — взгляд Марты стал чуть менее суровым, чуть более внимательным.

— Молодой управитель... — протянула Марта. — Это хорошо. Умно.

Она помолчала. Тишина в погребе стала тягучей, почти осязаемой.

— Один неправильный шаг, дитя, — сказала она наконец. — И ты погубишь не только себя. Ты погубишь нас всех. — Она посмотрела Эмили прямо в глаза. — Ты готова нести этот груз?

— Я несу его с того дня, как увидела, как пороли Илайджу, — тихо ответила Эмили. — И просто стояла и смотрела. Больше я так не могу.

В погребе воцарилась тишина. Эти слова — полные стыда и решимости — оказались весомее любых клятв, любых обещаний, любых слов.

Марта кивнула.

— Хорошо. — Она помолчала. — Первое задание. Малое. Проверочное.

Она рассказала: через три дня Джексон получит приказ отправить воз с бочками в город. В одной из бочек, под пробкой, будет записка. Эмили должна проследить, чтобы это был тот самый воз и та самая бочка. И чтобы её не проверяли.

— Ты сделаешь это? — спросила Марта.

— Да, — без колебаний ответила Эмили.

— Тогда иди. За тобой проследят, чтобы ты вернулась благополучно.

Марта поднялась. В её голосе зазвучала сталь.

— Запомни, отныне ты не одна. Но отныне ты в самой большой опасности в своей жизни.

Тот же незнакомец — молчаливая тень — проводил Эмили обратно к краю сада. Она вернулась в свою комнату, как в трансе — не чувствуя ног, не слыша звуков.

Руки дрожали. Но на душе было непривычно, странно спокойно. Страх никуда не делся — он сидел глубоко внутри, сжавшись в тугий комок. Но его перевесило другое чувство.

Чувство цели.

Она прошла проверку.
Она стала частью Подпольной железной дороги.
Её тихая война только что обрела союзников.
И смертельных врагов.

Глава 30. Первая передача

Три дня пролетели в нервном ожидании.

Эмили вела себя абсолютно естественно — улыбалась за завтраком, обсуждала с миссис Патисон очередной философский трактат, делала вид, что поглощена ботаникой. Но внутри всё было сжато в тугой, болезненный комок.

Утром в день отправки она «случайно» оказалась рядом, когда Джексон отдавал распоряжения возчику.

— Мистер Джексон, — обратилась она к нему лёгким, деловым тоном, поправляя перчатку. — Вы уверены, что выбрали самый крепкий воз? Эти бочки с патокой для мистера Бейли — он человек шепетильный. Мне бы не хотелось, чтобы он решил, будто мы поставляем ему брак из-за треснувшей повозки.

Джексон, стремясь продемонстрировать свою компетентность, тут же лично перепроверил упряжь и ось, наклонился, заглянул под колёса, постучал по дереву.

Эмили тем временем прошла вдоль воза, делая вид, что осматривает бочки. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось невозмутимым. Её взгляд скользнул по горлышкам — и она заметила одну. Едва заметную царапину в виде креста у самого обода.

Знак.

— Вот эта, кажется, с подтёком, — указала она, стараясь, чтобы голос звучал как можно беззаботнее. — Лучше поставьте её в середину, чтобы меньше трясло.

Она не прикасалась к бочке. Не передавала записку. Не делала ничего, что можно было бы истолковать как соучастие. Она просто указала — и её указание, исходившее от дочери хозяина, было немедленно исполнено. Бочка заняла более безопасное положение в середине воза.

Этого было достаточно.

Эмили отошла к крыльцу и наблюдала, как воз скрипит и удаляется по пыльной дороге, оставляя за собой облако серой пыли. Она ничего не передавала своими руками. Она лишь направила.

И в этом была её сила.

Глава 31. Знак доверия

Следующей ночью, когда Эмили гасила свечу у окна, её взгляд упал на подоконник.

Там лежал маленький, грубо обточенный камень.

Рядом с ним — три спелых ягоды ежевики.

Ни записки. Ни слов.

Эмили взяла камень в руку. Он был тёплым — нагрелся за день на солнце. Ягоды были мягкими, почти рассыпались в пальцах, оставляя тёмно-фиолетовый сок.

Это был их ответ.

Камень — символ твердости и надёжности. Ягоды — благодарность, дар природы, который нельзя отследить, который не вызовет подозрений.

Эмили улыбнулась в темноте.

Это было больше, чем любое слово. Это было признание. Принятие. Принятие в круг, где слова были излишни.

С этого момента её жизнь разделилась на два параллельных русла.

В одном она — мисс Эмили Картер. Образцовая дочь аристократа, занимающаяся ботаникой, светскими беседами и философскими трактатами. Безупречная леди, гордость отца, надежда семьи.

В другом — «Сова».

Глаза и уши Сопrotивления в самом сердце вражеской цитадели.

Джексон, сам того не ведая, стал её конём на этой шахматной доске. Через него она могла:

- узнавать о планах продажи или наказания рабов;

- менять рабочие команды, чтобы облегчить побег нужным людям;

- передавать припасы — еду, одежду, лекарства — под видом хозяйственных нужд.

Риск вырос в сотни раз. Но и её возможности возросли в геометрической прогрессии.

Одинокaя свеча в её комнате больше не была знаком отчаяния — она была маяком.

Теперь нужно было лишь быть достаточно умной, чтобы его свет не заметили те, для кого он не предназначался.

Её миссия только началась.

Каждый её шаг отныне будет взвешен на весах, где на одной чаше — её жизнь, а на другой — чужая свобода.

Эмили спрятала камень под половицу, рядом с дневником. Легла в кровать и долго смотрела в потолок, слушая, как за окном шумит ветер.

Война только начиналась.

И теперь она была не одна.

Глава 32. Спор в пещере

Воздух в пещере был густым и влажным, пропитанным запахом сырой земли, дыма от чадающего огарка и сушёных трав, разложенных для просушки на камнях. Марта сидела на своём обычном месте — на обрубке дерева, её руки, покрытые прожилками и морщинами, медленно перебирали корни для очередного снадобья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.